

О. А. ГУЛЕВИЧ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Ольга Гулевич

**Социальная психология
справедливости**

«Когито-Центр»

2011

Гулевич О. А.

Социальная психология справедливости / О. А. Гулевич —
«Когито-Центр», 2011

Книга посвящена одному из ключевых понятий российской культуры – социальной справедливости. Автор рассматривает психологические аспекты этого феномена: обыденное понимание справедливости, а также ее роль в личных, деловых и общественно-политических отношениях. Книга будет интересна широкому кругу специалистов в области общения и социально-политических процессов: психологам, социологам, политологам, экономистам, культурологам.

© Гулевич О. А., 2011

© Когито-Центр, 2011

Содержание

Введение	6
Глава 1. Справедливость как критерий оценки взаимодействия	7
Социально-психологический подход к изучению справедливости	7
Основные компоненты справедливости	9
Источник информации о соблюдении норм справедливости	19
Глава 2. Цели соблюдения справедливости	30
Справедливость как средство получения личного вознаграждения	31
Справедливость как средство сохранения группы	37
Справедливость ради справедливости: теории морального развития	41
Справедливость как средство сохранения когнитивного баланса	43
Глава 3. Регулятивная функция справедливости	47
Справедливость и оценка участников взаимодействия	49
От оценки к эмоциям: роль справедливости взаимодействия	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ольга Гулевич

Социальная психология справедливости

© Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН, 2011

© О. А. Гулевич, 2011

* * *

Введение

Справедливость – одно из базовых понятий человеческой культуры. Первое представление о ее сущности, формах и роли в обществе возникло в социальной философии. Постепенно это слово стало активно использоваться в разговорной и письменной речи при обсуждении различных социальных проблем. Во многих сообществах справедливость приобрела статус ценности наряду с безопасностью, миром, порядком, свободой, семьей и трудом, а ее восстановление стало одним из мотивов поведения людей. Для ее достижения были выработаны определенные социальные нормы, соблюдение которых стало важным критерием оценки социального взаимодействия.

Особенно большую роль справедливость играет в обыденном сознании россиян (Зараева, 2008), ее рассматривают в качестве элемента моральных и правовых представлений (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996; Николаева, 1993, 1995), учитывают соответствующие нормы при оценке экономических, политических и правовых отношений (Бойков, 2004; Голенкова, Игитханян, 2006; Митрошенков, 2004; Темницкий, 2005; Шабанова, 2007).

Слово «справедливость» часто фигурирует в названии политических партий и общественных движений: «Справедливая Россия!», «За справедливость!», «За свободу и социальную справедливость», «Республиканская партия труда и справедливости», «Справедливость и развитие», «За равноправие и справедливость». Оно используется в названии антикоррупционного портала, программы на телевидении, печатных изданий...

Восприятие справедливости как социальной ценности, являющейся ориентиром при постановке целей и задающей направление активности, делает актуальным изучение вопроса о ее содержании. Каждая эпоха и культура порождает свои представления о справедливости. В ходе социализации человек усваивает эти стандарты, соотносит их с другими психологическими образованиями (Бобнева, 1978). Лишь будучи присвоенными, распространенными в культуре понимания справедливости начинают оказывать влияние на оценки, эмоции и поведение человека.

Как люди понимают справедливость? Какую роль обыденное представление о ней играет в социальном взаимодействии? На эти вопросы мы попытаемся ответить в этой книге.

Глава 1. Справедливость как критерий оценки взаимодействия

Социально-психологический подход к изучению справедливости

Справедливость – одно из базовых понятий человеческой культуры. Первое представление о ее сущности, формах и роли в обществе возникло в социальной философии. На протяжении многих веков философы рассматривали справедливость как основной принцип, лежащий в основе идеального общественного устройства, обеспечивающий кооперацию между людьми и, как следствие, выживание человечества.

Первоначально считалось, что справедливость существует вне зависимости от человека и общества в целом. Она является мостом между двумя мирами – космическим (божественным) и земным. Понимание и соблюдение ее требований позволяет привести общественную систему в соответствие с законами мироздания, т. е. создать идеальное общество, и поэтому относится к числу главных человеческих добродетелей.

Постепенно идея о космическом (божественном) происхождении справедливости утратила популярность. Это слово стало использоваться прежде всего для обозначения общественного устройства, созданного в результате человеческой деятельности и обеспечивающего наилучшие условия существования максимальному количеству граждан.

Такое понимание справедливости предполагает самостоятельность и активность людей. Отныне человек рассматривается как существо, способное поставить цель и выбрать путь для ее достижения. Пробуждается интерес к его внутреннему миру, в том числе к системе представлений о себе и об окружающих. Все большее внимание привлекают субъективные интерпретации происходящего.

Как следствие, в начале 1960-х годов специалисты, проявляющие интерес к справедливости, ставят вопрос о ее обыденном понимании: что люди считают справедливым? как реагируют на ее нарушение? на что готовы ради ее восстановления? Так рождается социально-психологический подход к изучению справедливости.

За прошедшие годы в его рамках возник целый ряд теорий, описывающих структуру, функции, причины и условия соблюдения справедливости. В их основе лежит несколько положений, задающих основное направление изучения этой проблемы (рисунок 1).

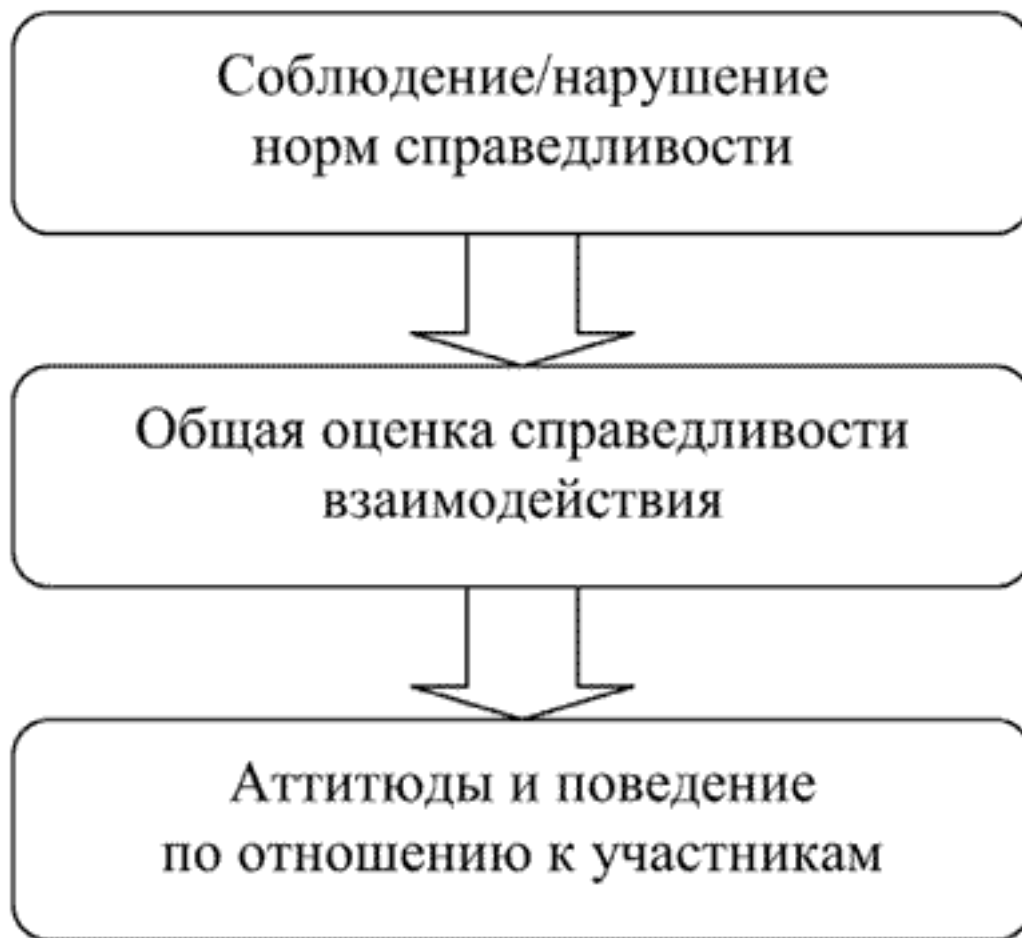

Рис. 1. Роль справедливости в социальном взаимодействии: традиционный подход

1. Предметом социально-психологических исследований является общая оценка справедливости взаимодействия, которая складывается из соблюдения ряда социальных норм, функционирующих в рамках социальной группы и затрагивающих как процесс общения (информационная, процедурная, межличностная справедливость), так и его результат (дистрибутивная справедливость). Они классифицируются людьми на основе формального признака – стадии общения. Содержание этих норм универсально, т. е. не зависит от исторического и культурного контекста и хорошо известно участникам взаимодействия.

2. Оценивая общение, люди следят за соблюдением норм справедливости, которое считают средством достижения определенной цели. В зависимости от концепции, это может быть получение индивидуального вознаграждения, включение в социальную группу, сохранение психологического благополучия и реализация «должного».

3. Общая оценка справедливости взаимодействия выполняет регулятивную функцию: оказывает влияние на аттитюды и поведение участников.

4. Регулятивная функция справедливости наиболее ярко проявляется в ходе межличностного общения.

В первой, второй и третьей главах мы рассмотрим, каким образом эти положения конкретизируются в рамках существующих моделей справедливости.

Основные компоненты справедливости

Первое базовое предположение, лежащее в основе социально-психологического подхода, гласит, что, вступая во взаимодействие, люди оценивают его справедливость. При этом они ориентируются на соблюдение целого ряда социальных норм¹. В связи с этим возникает два основных вопроса. Каково содержание норм и каким образом осуществляется их классификация? Откуда люди получают информацию об их соблюдении или нарушении?

Первый вопрос затрагивает психологическую структуру обыденного понимания справедливости. Следуя традиции, заложенной в социальной философии, современные психологи четко разделяют нормы, регулирующие процесс взаимодействия и его результат. По их мнению, эти нормы образуют четыре основных компонента: информационный, процедурный, межличностный и дистрибутивный. Первоначально эта идея носила характер предположения, требующего дополнительной проверки. Однако проведенные впоследствии эмпирические исследования продемонстрировали наличие такой классификации на уровне обыденного сознания.

Справедливость результата: нормы дистрибутивной справедливости

Первое развернутое представление о справедливости результата содержится в работах Аристотеля. Нормы, связанные с исходом взаимодействия, он назвал содержательной справедливостью. Взяв за основу взаимное положение участников, он выделил три основных аспекта оценки результата: воздающую, дистрибутивную и меновую справедливость.

Воздающая справедливость регулирует действия человека, который вознаграждает или наносит ущерб другим людям, совершившим или собирающимся совершить поступок, затрагивающий его интересы. Другими словами, эта справедливость подразумевает, что один участник взаимодействия воздает другому добром или злом за реальное или воображаемое добро / зло, которое уже было совершено или может быть совершено в будущем. Следовательно, воздающая справедливость не связана с наличием договора, совместной деятельностью и взаимными ограничениями.

Воздаяние может быть равным, уменьшающим различия между людьми, или пропорциональным, увеличивающим их. В первом случае действия одного человека полностью компенсируют действия второго, т. е. воздаяние осуществляется по принципу «око за око». Во втором случае воздаяние учитывает не только полученный результат, но и другие факторы, например возраст и статус человека, его социальную опасность. Так, при назначении наказания за совершенное преступление принимается во внимание не только ущерб, нанесенный потерпевшему, но и предыдущий криминальный опыт преступника.

Таким образом, воздающая справедливость регулирует отношение между двумя или большим количеством людей, которые отвечают на действия друг друга, ориентируясь на объективный критерий (размер вознаграждения / ущерба или иные обстоятельства).

Дистрибутивная справедливость играет важную роль при определении размера вознаграждения за проделанную работу, если ее выполняло несколько человек. Это распределение производит «третья сторона» – работодатель, государство и т. д., т. е. лицо, которое не прини-

¹ Такое понимание общей оценки справедливости лежит в основе всех сформулированных к настоящему времени психологических концепций, за исключением теории защиты ценностей (см. главу 2). Ее сторонники приравнивают «справедливое» к «добру» и применяют это слово для характеристики любого взаимодействия, исход которого соответствует доминирующим у человека ценностям. Таким образом, ее последователи отрицают наличие какого-либо устойчивого понимания справедливости и тем самым игнорируют вопрос о его содержании. Однако эта точка зрения пока не получила широкого распространения и подвергается постоянной критике.

мает непосредственного участия во взаимодействии. Оно может быть равным или пропорциональным. В первом случае все участники получают одинаковое вознаграждение, а во втором – соответствующее заранее определенному критерию (например, по заслугам, достоинству или потребностям). Таким образом, дистрибутивная справедливость регулирует отношения между двумя или большим количеством людей, выполняющими совместную деятельность, при условии, что источником справедливости является человек, не принимающий непосредственного участия в общении.

Меновая справедливость регулирует процесс обмена благами между людьми или группами. Она возможна в том случае, когда разные участники взаимодействия вступают в добровольные отношения, основанные на взаимной выгоде. В отличие от дистрибутивной, меновая справедливость осуществляется без помощи посредника. В условиях равного обмена каждый человек получает «товар», ценность которого соответствует отданному. При пропорциональном обмене ценность полученного вознаграждения определяется иными факторами, например социальным положением человека. Таким образом, меновая справедливость регулирует отношения между двумя или большим количеством людей, заключившими договор, т. е. связанными взаимными обязательствами.

Работы Аристотеля являются единственным известным философским источником, в котором содержится подробный анализ различных аспектов справедливости результата. Авторы более поздних философских теорий, как правило, отдавали предпочтение одному из них, игнорируя другие. Обсуждая связь справедливости с законом, они обращали внимание на воздающую справедливость, рассматривая ее роль в экономической жизни общества – на дистрибутивную (например, Дж. Ролз, А. Макинтайр) или меновую (например, Р. Нозик, Д. Готиер). Именно поэтому можно с уверенностью говорить о том, что современное понимание справедливости результата, характерное для Западной Европы, Северной Америки и в определенной степени – России берет свое начало в древнегреческой философии.

Однако в рамках социально-психологического подхода представление о справедливости результата существенно упростилось. В частности, психологи не проводят специального различия между воздаянием, распределением и обменом, полагая, что вне зависимости от взаимного положения участников и наличия общей цели, определяя справедливость результата, люди руководствуются одними и теми же нормами.

Конечно, справедливость результата подразделяется на дистрибутивный и карательный компоненты. Первый связан с распределением вознаграждения, а второй – наказания. Однако в эмпирических исследованиях карательная справедливость сужается до воздаяния за нанесенный ущерб и рассматривается исключительно в контексте судебных решений. При этом в ее состав включаются нормы, аналогичные принципам дистрибутивной справедливости. Поэтому в дальнейшем мы будем называть справедливость результата дистрибутивной справедливостью, при необходимости указывая тип распределяемых ресурсов (вознаграждение или наказание).

Современное представление о принципах дистрибутивной справедливости начало формироваться в 1960-е годы в рамках теории беспристрастности Дж. Адамса. К настоящему времени в ее состав включают шесть основных норм.

1. В соответствии с нормой беспристрастности, вознаграждение и наказание человека определяются его вкладом во взаимодействие. Справедливым считается получение большего вознаграждения теми, кто проделал большую работу, оказал большую помощь и получил лучший результат. В то же время более серьезного наказания достоин человек, нанесший окружающим больший ущерб. В западноевропейских и североамериканских странах распределение по заслугам рассматривается как основная норма дистрибутивной справедливости и со времени возникновения теории беспристрастности фигурирует в большинстве исследований.

2. Согласно норме распределения по усилиям, размер вознаграждения и наказания определяется усилиями, которые человек приложил при совершении поступка, например затраченным временем, объемом проанализированной информации и т. д. Справедливым считается такое распределение, при котором большее вознаграждение получает тот, кто приложил большие усилия при совершении социально желательного поступка, а большее наказание – тот, кто сделал это при совершении социально нежелательного (Farwell, Weiner, 1996; Lamm, Kayser, Schanz, 1983; Leventhal, Michaels, 1971). Некоторые психологи приравнивают эту норму к предыдущей. Вероятно, они полагают, что результат взаимодействия находится в прямой зависимости от приложенных усилий.

3. В соответствии с нормой распределения по способностям (возможностям), справедливым считается взаимодействие, в ходе которого наиболее способный человек, совершивший социально желательный поступок, получает большее вознаграждение, а социально нежелательный – наказание, чем менее способный (Rusbult, Campbell, Price, 1990; Rusbult et al., 1990).

4. Согласно норме распределения в соответствии с позитивностью личности, справедливым считается большее вознаграждение хорошего человека и наказание – плохого (Farwell, Weiner, 1996; Pepitone, Armand, 1996).

5. Согласно норме распределения по потребностям, справедливым является большее вознаграждение и наказание тех участников взаимодействия, которые больше других нуждаются в них (Bar-Hillel, Yaari, 1993; Elliott, Meeker, 1986; Meeker, Elliott, 1998; Wagstaff, Worthington, 1997).

6. В соответствии с нормой равенства, справедливым считается равномерное распределение вознаграждения и наказания между всеми участниками общения².

Некоторые психологи разделяют нормы дистрибутивной справедливости по степени, в которой они учитывают вклад человека в конкретное взаимодействие. К числу так называемых «дифференцирующих» относятся нормы беспристрастности, распределения по усилиям и способностям. Их применение позволяет учесть результат, достигнутый человеком в ходе текущего общения. Наиболее типичной «дифференцирующей» нормой является беспристрастность, в меньшей степени – распределение по усилиям. Распределение по способностям находится на границе между «дифференцирующими» и «недифференцирующими» принципами. Связь между этими нормами особенно хорошо заметна у российских респондентов, которые одновременно ассоциируют распределение по вкладу с беспристрастностью, усилиями и способностями (Макдональд, 2011).

«Недифференцирующие» нормы предполагают распределение вознаграждения и наказания на основе психологических характеристик участников взаимодействия. Наиболее ярким представителем этого типа является равенство, в меньшей степени – распределение по потребностям. Распределение по позитивности занимает промежуточное положение³ (Sabbagh, 2005) (рисунок 2).

В зарубежных странах наибольшее внимание уделяется нормам беспристрастности и распределения по усилиям. Они фигурируют в наиболее известной теории дистрибутивной справедливости – теории беспристрастности. Ее популярность, по-видимому, определяется культурным контекстом, в котором проводится большинство исследований. Лидерами по их количеству являются англоязычные страны, прежде всего, США, в меньшей степени – Вели-

² В некоторых исследованиях были выделены и более оригинальные нормы, например, распределение в соответствии с обещанием, а также в зависимости от активности жертвы несправедливости.

³ Некоторые психологи полагают, что, в отличие от «дифференцирующих», «недифференцирующие» нормы справедливости нельзя рассматривать как однородное образование, поскольку они отражают не один, а два разных принципа: равное вознаграждение и ориентация на индивидуальные различия между участниками. Их объединение имеет смысл только в условиях противопоставления распределению по заслугам.

кобритания, Австралия, Канада. Среди жителей этих стран, имеющих европейские корни, распространена протестантская идеология, подчеркивающая необходимость индивидуальных усилий. Ее влиянию подвергаются и психологи, планирующие исследования, и их респонденты.

Распределению по потребностям и равенству зарубежные психологи придают меньшее значение. Как правило, они рассматривают эти нормы в качестве альтернативы беспристрастности и усилиям.

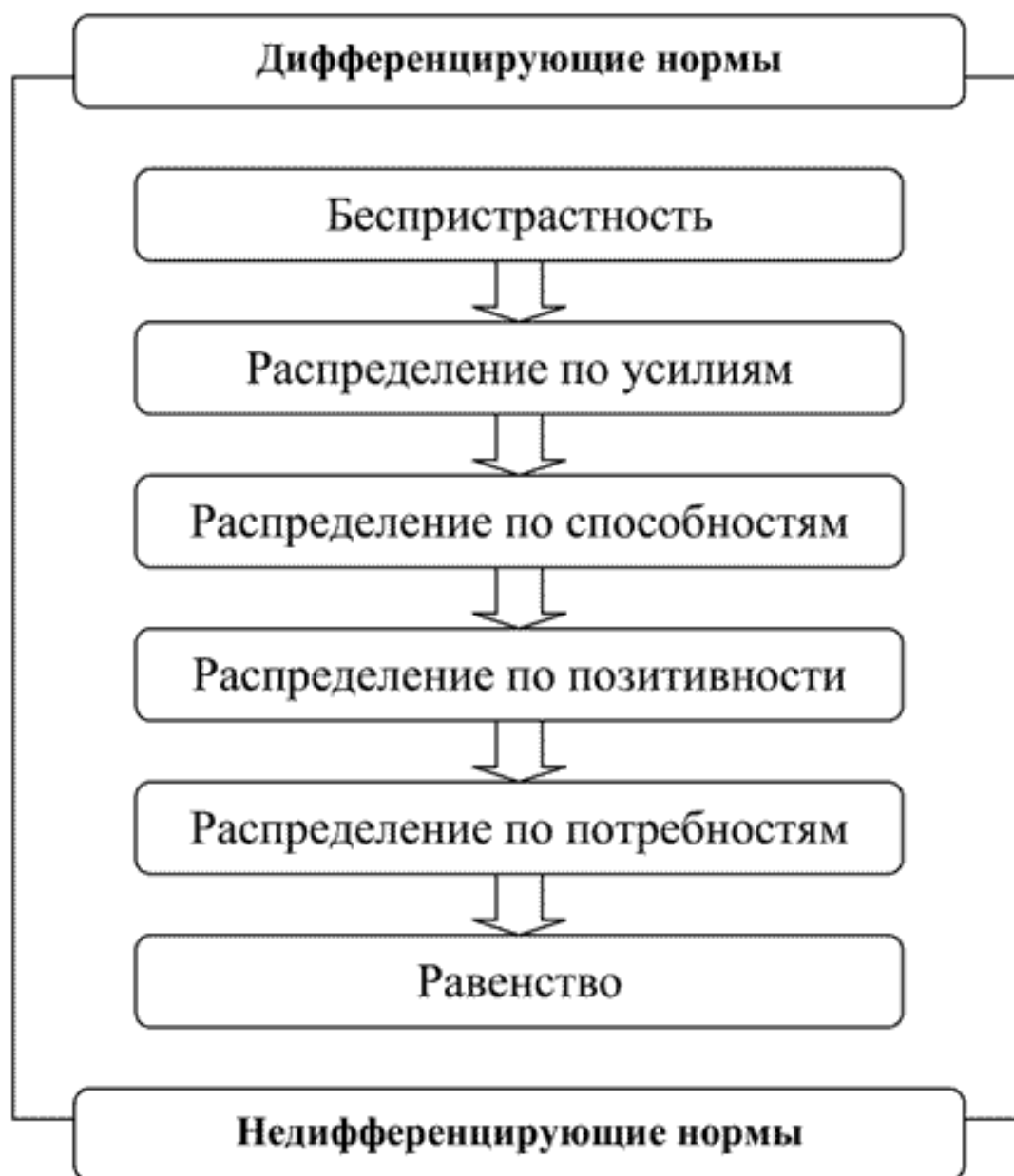

Рис. 2. Классификация норм взаимодействия по степени дифференцированности

Чаще всего, эти принципы упоминаются в кросс-культурных исследованиях, проводящихся с участием представителей не только индивидуалистских, но и коллективистских культур. Совсем редко встречаются исследования, в которых затрагивается распределение по способностям и позитивности. Возможно, это связано с неопределенным характером этих принципов: они занимают промежуточное положение между дифференцирующими и недифференцирующими нормами.

В немногочисленных российских исследованиях приоритет также отдается норме беспристрастности и распределению по усилиям, однако некоторое внимание уделяется и другим принципам – равенству, распределению по потребностям и способностям (Алишев, Аникеев, 2007; Бойков, 2004; Голынчик, Гулевич, 2003; Гулевич, Голынчик, 2004б; Патрушев, Бескирная, 2003; Петухов, 2004; Темницкий, 2005).

Разнообразие норм чрезвычайно затрудняет составление общей формулы справедливого распределения ресурсов. Поэтому существующие представления носят чрезвычайно общий характер (Jasso, Resh, 2002).

Как взаимодействуют между собой разные нормы дистрибутивной справедливости? Этот процесс подчиняется двум основным правилам (Adams, Freedman, 1976; Leventhal, 1976).

Когда их требования не противоречат друг другу, происходит взаимное усиление. Например, если большую часть работы проделал человек, сильнее других нуждающийся в деньгах, участники считают справедливым назначить ему большее вознаграждение, чем положено в соответствии с нормой беспристрастности.

В противном случае люди выбирают одну норму из нескольких возможных. Типичным примером является противоречие между нормами беспристрастности и распределения по усилиям, с одной стороны, и распределением по потребностям и равенством, с другой. Как правило, в подобных ситуациях участники взаимодействия выбирают одну из них или идут на компромисс.

Несмотря на то, что вопрос о соотношении разных норм дистрибутивной справедливости имеет не только научное, но и прикладное значение, он редко подвергается специальному исследованию. Возможно, это происходит благодаря широко распространенному соотнесению справедливости с распределением по заслугам. В этих случаях нормам беспристрастности и распределения по усилиям придается универсальный характер, а «недифференцирующие» принципы справедливости считаются своеобразным отклонением.

Нормы дистрибутивной справедливости играют важную роль в самых разных отношениях: от родственных и дружеских до экономических, правовых и политических. Однако, оценивая справедливость взаимодействия, люди принимают во внимание не только результат, но и процесс его получения.

Справедливость процесса: нормы информационной, процедурной и межличностной справедливости

Впервые о справедливости процесса взаимодействия заговорил Аристотель. Подробно описав содержательную справедливость, он, тем не менее, уделил некоторое внимание формальной и процедурной. Под процедурной он понимал совокупность норм, обеспечивающих справедливость результата вне зависимости от обстоятельств; под содержательной – последовательность в применении норм содержательной и процедурной справедливости.

Эти идеи стали популярны в Новое время и до сих пор являются краеугольным камнем философских теорий, созданных в русле либерального направления (Р. Нозик, Д. Готиер, Дж. Ролз). Рассуждая о справедливом устройстве общества, его сторонники берут за основу несколько основных принципов, среди которых (Кашников, 2004; Карнаш, 2006; Оганесян, 1990; Ролз, 1995; Хеффе, 2007).

- Принцип личной свободы, согласно которому справедливое государство может осуществлять лишь минимальное вмешательство в жизнь отдельных людей. Оно способствует максимальной свободе индивидов и поддерживает добровольный и взаимовыгодный обмен между гражданами. Соответственно, в справедливом государстве сделки заключаются между свободными людьми.

- Принцип равных прав, согласно которому все участники взаимодействия должны иметь равные права. В соответствии с этим принципом все граждане одного государства обладают равными политическими правами, а также имеют равные возможности занять какое-либо положение или должность. Равенство прав является гарантией справедливого обмена и распределения. С некоторыми оговорками принцип равенства прав можно рассматривать как одно из проявлений формальной справедливости, гарантирующей последовательное применение одних и тех же норм ко всем участникам взаимодействия.

- Принцип честности, согласно которому нормы социального взаимодействия должны гарантировать человеку защиту от насилия и обмана. В частности, распределение и передача собственности являются справедливыми, если произошли без использования обмана и насилия. В противном случае сделка не может быть признана справедливой, даже если она была заключена добровольно.

Современные философские идеи нашли свое отражение в социально-психологическом подходе. Его сторонники полагают, что на общую оценку справедливости оказывает влияние соблюдение социальных норм, регулирующих не только результат, но и процесс взаимодействия.

Психологический интерес к справедливости процесса возник в 1970-е годы. Он был вызван проведенными к тому времени эмпирическими исследованиями, которые показали, что процедура вынесения решения оказывает влияние на качество работы членов группы. Для анализа этого влияния была проведена типологизация подобных процедур (Lind, Tyler, 1988).

Например, в зависимости от степени контроля «третьей стороны» за сбором информации, они были разделены на состязательную и инквизиционную. При состязательной процедуре функции сбора и предоставления информации, с одной стороны, и вынесения решения, с другой, закреплены за разными участниками взаимодействия: информацию собирают заинтересованные «стороны», а решение выносит незаинтересованное лицо (судья, арбитр, посредник). В то же время в рамках инквизиционной процедуры главная роль отводится «третьей стороне» и ее помощникам, которые не только принимают решение, но и самостоятельно собирают информацию. Эмпирические исследования показали, что состязательная процедура позволяет собрать более полную информацию о существе дела, нейтрализует предубеждения участников и, как следствие, позволяет вынести более качественные решения.

Роль процедуры в вынесении качественных решений позволила предположить, что люди отдают предпочтение одним формам организации групповой работы в ущерб другим (Lind, Tyler, 1988). Например, заинтересованные лица выбирают процедуру, которая дает им возможность оказать влияние на процесс принятия решения, а «третья сторона» – на результат. При этом стороны соглашались с тем, что арбитр должен контролировать процесс, но отвергают его высокий уровень. Кроме ролевой позиции на выбор процедур оказывают влияние некоторые характеристики ситуации и культурная принадлежность участников. Пытаясь понять, с чем связано предпочтение одной процедуры в ущерб другим, психологи пришли к выводу о важности оценки их справедливости.

Влияние процесса вынесения решения на оценку справедливости взаимодействия была отмечена уже М. Дойчем. В частности, он выделил справедливость, связанную как с нормами, лежащими в основе распределения (беспристрастность, равенство, усилия и т. д.), так и некоторыми процессуальными характеристиками общения. К ним относились особенности участника, вовлеченного в процесс распределения вознаграждения (например, его компетентность); стиль и время распределения (явное или тайное, немедленное или отсроченное); правила оценки вкладов; способ их измерения; процедура вынесения решения (индивидуальное или коллективное) и т. д. (Гришина, 2005).

Попытка классификации подобных факторов позволила психологам выделить три основных компонента справедливости процесса: информационный, процедурный и межличностный. Их разделение проводится по формальному признаку – связи с одной из стадий взаимодействия (рисунок 3).

Информационная справедливость определяется осведомленностью участников о процедуре распределения ресурсов. Она связана с первым этапом взаимодействия, на котором его участники получают информацию о «правилах игры». В ее состав входит пять основных принципов.

Рис. 3. Процессуальные измерения справедливости

- Следуя норме честности, люди считают справедливым то взаимодействие, в ходе которого им честно описывают процедуру принятия решения и возможные исходы.
- Согласно норме ясности информации, справедливым является взаимодействие, участники которого получают понятные объяснения.
- Ориентируясь на норму полноты информации, люди считают справедливым общение, в ходе которого они получают исчерпывающие объяснения.
- В соответствии с нормой своевременности информации, справедливым считается то взаимодействие, участники которого получают разъяснения заблаговременно.

- И наконец, согласно норме индивидуальности, общение считается справедливым, если при объяснении во внимание принимаются индивидуальные характеристики участников.

Как показывают современные исследования, влияние информационного компонента справедливости ограничено формальным, прежде всего, организационным взаимодействием – принятием решения о принятии на работу и продвижении по службе, обратной связью, проверкой на наркотики и т. д. (например: Colquitt, 2001; Roberson, Stewart, 2006). Исключение составляет лишь норма честности.

Процедурная справедливость затрагивает процесс сбора информации и оценки участников общения. Руководствуясь этими нормами, люди выбирают процедуру взаимодействия и принимают окончательное решение. Основным интерес к ней пробудили работы Дж. Тибо, Л. Волкера и Г. Левенталя. В целом, оценивая справедливость общения, люди ориентируются на шесть основных норм (Colquitt, 2001; Lind, Tyler, 1988; Lupfer et al., 2000; Tyler, 1994).

- Согласно норме точности и полноты информации, справедливой считается та процедура, которая дает возможность собрать точную и полную информацию об участниках взаимодействия.

- Следуя норме контроля за результатом, люди считают справедливой ту процедуру, участники которой имеют возможность повлиять на исход, в том числе на решение, принятое «третьей стороной».

- Согласно норме контроля за процессом, люди дают более высокую оценку той процедуре, в рамках которой все заинтересованные стороны имеют возможность высказать свое мнение⁴.

- Руководствуясь нормой коррекции, люди воспринимают как более справедливую ту процедуру, которая дает возможность изменять неправильные решения, например, подавать на них апелляцию.

- В соответствии с нормой однообразия, процедура воспринимается как справедливая, если она может быть использована в разных ситуациях для разных участников.

- Следуя норме нейтрализации предубеждений, люди считают более справедливой ту процедуру, при которой принятое решение не зависит от имеющихся у «третьей стороны» (судьи, арбитра) предубеждений⁵.

- В соответствии с нормой этичности, более справедливой считается та процедура, которая соответствует существующим в обществе этическим нормам.

Разные нормы справедливости привлекают разное внимание исследователей. Так, контролю за результатом (например: Сугавара, Хо, 2003; McFarlin, Sweeney, 1996; Miller, 1989; Phillips, Douthitt, Hyland, 2001) и процессом взаимодействия (например: Сугавара, Хо, 2003; Alge, 2001; Anderson, Otto, 2003; De Cremer, Cornelis, Van Hiel, 2008; Douthitt, Aiello, 2001; Gibson, 2002; Lind et al., 1997; Lind, Kanfer, Earley, 1990; Machura, 2003; McFarlin, Sweeney,

⁴ Соответственно, восприятию справедливости взаимодействия способствуют любые условия, дающие человеку возможность высказать свое мнение. Например, исключение человека из группы оценивается как меньшая несправедливость, чем изначальный отказ включить его в эту группу (Horn, 2003). Возможно, это связано с представлением о том, что включение в группу дает человеку возможность проявить себя и таким образом оказать влияние на возможность распределения вознаграждения.

⁵ В некоторых случаях справедливым считается не отсутствие, а наличие предубеждений: например, «несправедливо, что жертве уделяется больше внимания, чем подсудимому; права подсудимого должны приниматься во внимание в первую очередь» или «несправедливо, когда делу, где подсудимому, которому грозит суровое наказание, уделяется такое же внимание, как и тому, где наказание более мягкое» (Finkel, 2000). Однако это происходит достаточно редко и характерно прежде всего для оценки правового и политического взаимодействия.

1996; Miller, 1989; Platow et al., 2006; Roberson, Moye, Locke, 1999; Sheppard, 1985; Skarlicki, Ellard, Kelln, 1998; Van Prooijen, Karremans, Van Beest, 2006; Van Prooijen, Van den Bos, Wilke, 2004) уделяется наибольшее внимание. Нормы точности / полноты информации (например: Conlon, Lind, Lissak, 1987; De Cremer, 2004; Machura, 2003; Phillips, Douthitt, Hyland, 2001) и нейтрализации предубеждений (например: De Cremer, 2004; Lind, Lissak, 1985; Machura, 2003; Tyler, 1987, 1989) учитываются реже. Наименьший интерес вызывают принципы однообразия процедуры (например: De Cremer, 2003), коррекции (например: Sheppard, 1985) и этичности.

Несмотря на то что в состав процедурной справедливости входят разные по содержанию нормы, в целом ряде исследований она рассматривается как единое образование, сохраняющее свое значение в самых разных ситуациях взаимодействия.

Межличностная справедливость регулирует отношение к участникам общения. К ней относятся две основные нормы (Bies, 1987; Brockner et al., 2001; Heuer et al., 1999; Lupfer et al., 2000; Machura, 2003).

- Согласно норме вежливости, взаимодействие считается справедливым, если с его участниками обращаются вежливо и не допускают грубых замечаний в их адрес.
- В соответствии с нормой уважения взаимодействие рассматривается как справедливое, если к его участникам относятся с уважением, позволяя им сохранить чувство собственного достоинства.

Большинство исследователей считают это измерение справедливости таким же универсальным, как процедурное.

При изучении процессуальных аспектов справедливости психологи имплицитно отталкиваются от трех важных положений.

- Информационная, процедурная и межличностная справедливость – это качественно различные компоненты. Другими словами, такая классификация норм существует не только в умах ученых, но и на уровне обыденного сознания⁶.
- Содержание разных компонентов справедливости процесса не противоречит друг другу. Поэтому, наблюдая за ходом взаимодействия или принимая в нем непосредственное участие, человек ориентируется на соблюдение всех перечисленных в этом параграфе норм.
- Процессуальные компоненты справедливости оказывают большое влияние на общую оценку взаимодействия, вне зависимости от его официальности, этапа общения и личной заинтересованности субъекта оценки. Другими словами, они играют важную роль при оценке как официальной (закрепленной в соответствующих документах), так и неофициальной процедуры (Blader, Tyler, 2003); в суждениях, сделанных на разных этапах взаимодействия⁷; при условии, что нормы справедливости соблюдаются (нарушаются) по отношению как к субъекту оценки, так и к окружающим его людям (Bat-son et al., 2007; Hegtvedt et al., 2009; Van den Bos, Lind, 2001; Yang, Mossholder, Peng, 2007).

⁶ Эта позиция получила подтверждение, прежде всего, в организациях. При общении в других сферах наблюдается либо уменьшение значения одного из компонентов, либо их взаимопроникновение. Например, оценивая справедливость обучения, студенты руководствуются двумя компонентами справедливости: уважением со стороны преподавателей (контроль за процессом и результатом, соблюдение прав и однообразие, точность и полнота информации, внимание к потребностям учащихся, вежливость) и эффективностью решения проблем (коррекция, наличие информации о процедуре принятия решений и помощь в решении проблем) (Lizzio, Wilson, Hadaway, 2007). Таким образом, межличностная справедливость входит в состав первого компонента, информационная – второго, а процедурная равномерно распределяется между ними. Причины этого эффекта пока неизвестны.

⁷ В то же время результаты некоторых эмпирических исследований вызывают сомнения в универсальности процессуальных измерений. Например, они демонстрируют, что важность разных норм процедурной справедливости зависит от этапа взаимодействия: на этапе выбора процедуры главная роль принадлежит контролю за процессом (праву голоса), а при вынесении окончательного решения – контролю за результатом (Barley, Lind, 1987).

Несмотря на наличие отдельных эмпирических свидетельств, опровергающих эти идеи, они по-прежнему составляют основу социально-психологического подхода.

Взаимосвязь разных компонентов справедливости

Существование двадцати норм справедливости, образующих четыре компонента, ставит вопрос о соотношении между ними. Основные идеи, сформулированные к настоящему времени, сводятся к следующему.

1. Общая оценка справедливости взаимодействия складывается из соблюдения всех четырех компонентов (Гулевич, 2007 г, д; Colquitt, 2001; Colquitt et al., 2001). Это означает, что, вынося суждение о справедливости общения, люди обращают внимание как на процесс взаимодействия, так и на характер распределения ресурсов. Они анализируют, как происходит сбор и обработка сведений об интересах и позициях заинтересованных сторон (процедурная справедливость), как их информируют о процессе принятия решения (информационная справедливость), насколько вежливо с ними обращаются (межличностная справедливость), каким образом распределяют вознаграждение (дистрибутивная справедливость).

Общая оценка справедливости взаимодействия, в свою очередь, определяет состояние и поведение его участников. Как следствие, одновременное соблюдение или нарушение нескольких норм оказывает большее влияние на участников, чем соблюдение или нарушение какой-либо одной из них (Cropanzano, Slaughter, Bachiochi, 2005; Taylor et al., 1987).

2. Однако разные компоненты справедливости вносят разный вклад в общую оценку взаимодействия. Например, метаанализ нескольких сотен исследований, проведенных в организации, показал, что право голоса объясняет 26 % различий в оценке справедливости процесса; однообразие, нейтрализация предубеждений, точность и полнота информации, коррекция и этичность – 21 % различий; межличностная и информационная справедливость – еще 6 % (Colquitt et al., 2001).

3. Влияние каждого компонента наиболее ярко проявляется при отсутствии других. Например, дистрибутивная справедливость оказывает наибольшее влияние при отсутствии процедурной и межличностной (Cropanzano, Slaughter, Bachiochi, 2005; Skarlicki, Folger, 1997); процедурная (Chen et al., 2010; Rahim, Magner, Shapiro, 2000) – в отсутствии дистрибутивной; межличностная – в отсутствии процедурной (Cropanzano, Slaughter, Bachiochi, 2005) и дистрибутивной (Loi, Yang, Diefendorff, 2009); информационная – при отсутствии процедурной (Loi, Yang, Diefendorff, 2009).

4. Когда человек не обладает информацией о соблюдении или нарушении всех компонентов справедливости, полученные сведения компенсируют недостающие. Как следствие, важность каждого компонента зависит от наличия информации о другом. Например, участники взаимодействия придают большее значение дистрибутивной справедливости, если не знают об особенностях процедуры или считают ее несправедливой (Brockner, Wiesenfeld, 1996; Skarlicki, Folger, 1997). В то же время они обращают внимание на справедливость процесса, когда у них нет информации о дистрибутивной (Van den Bos et al., 1997). В этом случае они принимают тот результат, который был получен при использовании справедливой процедуры (Van den Bos et al., 1997). Таким образом, разные компоненты дополняют друг друга.

Источник информации о соблюдении норм справедливости

Основные источники: текущее взаимодействие или ожидания?

Сформулировав четырехкомпонентное представление о структуре справедливости, исследователи дали ответ на вопрос о критериях оценки взаимодействия. Но откуда люди берут информацию о соблюдении или нарушении соответствующих норм? К настоящему времени сформулировано три различных ответа на этот вопрос (рисунок 4).

Наиболее распространенная в настоящее время позиция гласит, что, оценивая справедливость взаимодействия, люди наблюдают за поведением его участников. Сопоставляя их действия с содержанием норм справедливости, они выносят общее суждение о характере общения (Ambrose, Schminke, 2009). Эта позиция отражена в большинстве психологических теорий справедливости – беспристрастности, личного интереса, ценности группы и самокатегоризации (рисунок 5).

Подобное заключение может быть сделано автоматически или в результате тщательного анализа доступной информации. Современные исследования показывают, что в ряде случаев именно автоматические суждения, вынесенные в условиях когнитивной нагрузки, оказываются более точными, чем хорошо осознаваемые (Ham, Van den Bos, Van Doorn, 2009).

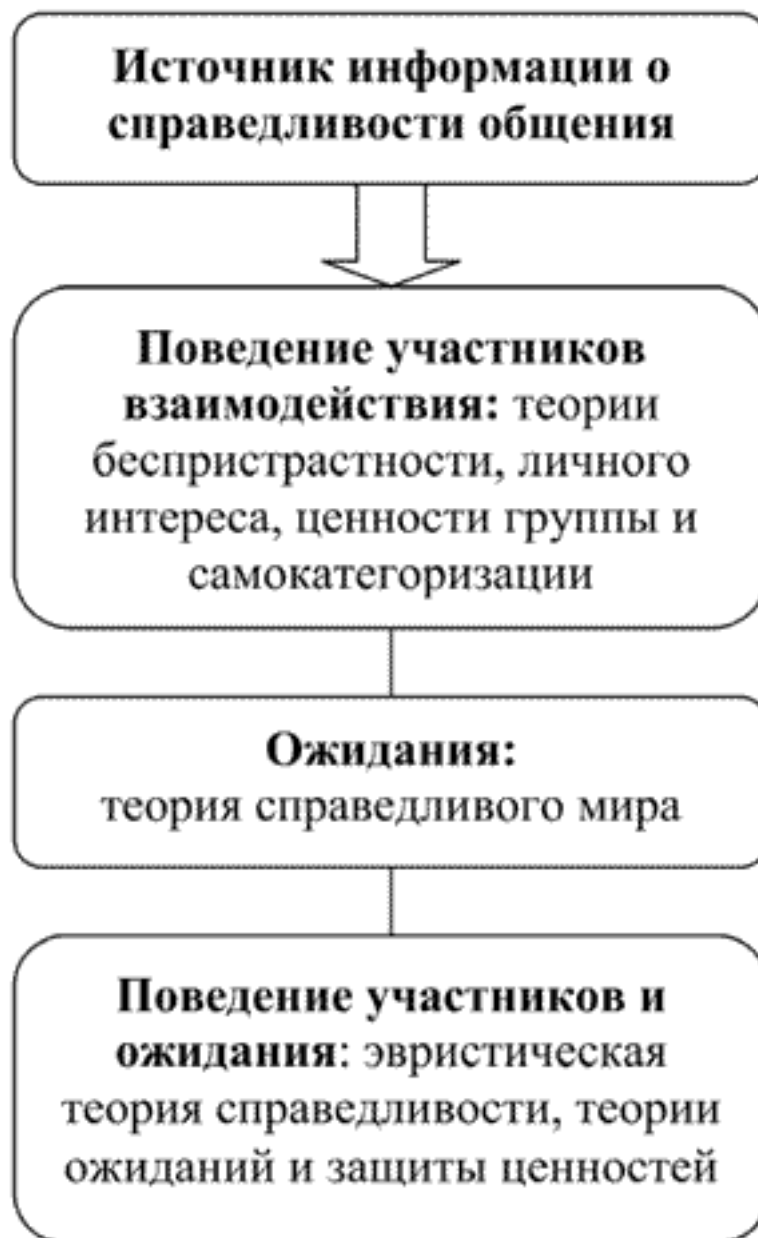

Рис. 4. Источник информации о справедливости общения

Сторонники второй – противоположной – позиции полагают, что оценка текущего взаимодействия полностью определяется сформированными ранее ожиданиями. Их источник специально не оговаривается. Однако логика рассуждений позволяет предположить, что они являются результатом определенной обработки информации о прошлом общении, касающейся соблюдения или нарушения норм справедливости.

Таким образом, вступая в текущее взаимодействие, человек использует при его восприятии и оценке готовые схемы, игнорируя информацию о текущем положении дел. Другими словами, в основе оценки справедливости лежит прошлый опыт и психологическое состояние людей, а не характеристики текущей ситуации. Руководствуясь общей оценкой, человек выносит суждение о соблюдении отдельных норм справедливости (рисунок 6).

Эта точка зрения отражена в теории справедливого мира. Возникнув на заре изучения справедливости, в последнее время она утратила свою популярность.

Рис. 5. Оценка справедливости как результат анализа взаимодействия

Рис. 6. Оценка справедливости на основе ожиданий

Сторонники третьей – компромиссной – позиции настаивают на том, что, вынося суждение о справедливости, люди руководствуются как информацией о текущем взаимодействии, так и заранее сформированными ожиданиями. Как и в предыдущем случае, источником этих ожиданий является как прошлый опыт, так и текущее психологическое состояние человека.

Эта точка зрения отражена в эвристической теории справедливости, теории ожиданий и защиты ценностей. Взяв за основу одну идею, психологи создали три различных концепции. Не отрицая способности человека к анализу поступающих сведений, они, тем не менее, обратили внимание на избирательность его восприятия, интерпретации и запоминания информации.

Ниже мы поговорим о теориях, в которых отражена роль ожиданий. Остальные концепции будут описаны при анализе целей соблюдения справедливости (глава 2).

Ожидания – источник информации о справедливости

Теоретические предпосылки подхода. Первым человеком, обратившим внимание на роль ожиданий в оценке справедливости, стал Ж. Пиаже. Работая с детьми, этот психолог показал, что они верят в изначальную (имманентную) справедливость мира. Он полагал, что эта вера оказывает влияние на оценку происходящих событий и людей. Однако, по его мнению, она тесно связана с уровнем когнитивного развития и практически исчезает у взрослых. Другими словами, ожидания от справедливости взаимодействия оказывают влияние на оценки тех, кто не достиг подросткового возраста.

Со временем идея о том, что взрослые люди не верят в справедливый мир, стала вызывать сомнение. В частности, выяснилось, что у жителей Северной Америки и Западной Европы эта вера действительно уменьшается к подростковому возрасту, но впоследствии вновь возрастает (Соснина, 2006; Raman, Winer, 2004). Стало ясно, что ее нельзя рассматривать как следствие недостаточного когнитивного развития.

Вторая попытка «узаконить» ожидания, связанные со справедливостью, была предпринята в 1960-х годах сторонниками теорий когнитивного соответствия. Они полагали, что человек обладает когнитивной системой, в состав которой входят различные аттитюды и ценности. Анализируя информацию, он стремится достичь когнитивного баланса, устранив любые противоречия между ее элементами.

Наиболее полно эта идея отражена в теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера (Фестингер, 1999). Он полагал, что элементы когнитивной системы человека могут находиться в консонансных, диссонантных или иррелевантных отношениях между собой и поведением человека. Диссонанс возникает, когда один когнитивный элемент противоречит другому или совершенному поступку (Aronson, 1999; Beauvois, Joule, 1999; Devine et al., 1999; Harmon-Jones, Mills, 1999; Mills, 1999).

Его сила зависит от важности и количества противоречивых когниций, их связи с Я-концепцией человека и наличия социальной поддержки. Чем больше когниций и поступков противоречат друг другу (Joule, Azdia, 2003), чем важнее их положение в когнитивной системе, чем теснее они связаны с Я-концепцией и чем сильнее мнение окружающих отличается от аттитюдов и поведения человека, тем сильнее диссонанс (Hogg, Smith, 2007; Matz, Wood, 2005).

Когнитивный диссонанс порождает эмоциональное возбуждение. Возникающие эмоции носят негативный характер и неприятны человеку, поэтому он старается устранить возникшее несоответствие.

Уменьшение диссонанса происходит в основном благодаря определенной работе с поступающей информацией. Так, человек больше доверяет тем сведениям, которые подтверждают его аттитюды или поведение, чем усугубляющим противоречие (Fischer et al., 2005). Кроме того, он активно ищет информацию, соответствующую его аттитюдам / поступкам и способную уменьшить диссонанс, и в меньшей степени избегает усиливающей его (Jonas, Graupmann, Frey, 2006; Jonas, Greenberg, Frey, 2003).

Общие принципы работы с диссонансной информацией воплощаются в конкретных стратегиях. К ним относятся отказ от когниции, противоречащей поведению, или от поведения, противоречащего одной из когниций; переоценка значения когниции или поступка; введение нового элемента, способного восстановить баланс; отрицание своей ответственности; признание того, что диссонансные когниции и поступки не связаны друг с другом (например: Maikovich, 2005; Maio, Thomas, 2007). Наиболее эффективной оказывается та стратегия, которая позволяет человеку повысить самооценку (Dietrich, Berkowitz, 1997).

Результатом ее применения является уменьшение негативных эмоций (Burris, Harmon-Jones, Tarpley, 1997), изменение социальных установок и повышение эффективности деятельности (Harmon-Jones, Harmon-Jones, 2002).

Теория когнитивного диссонанса породила целый ряд частных моделей, авторы которых применили ее идеи при анализе Я-концепции и аттитудов к отдельным объектам. Одной из них стала теория справедливого мира.

Теория справедливого мира. Основные положения этой теории были сформулированы М. Лернером и его последователями. По его мнению, люди верят в то, что любое полученное участником взаимодействия вознаграждение или наказание является заслуженным, т. е. справедливым⁸.

Вера в справедливый мир создает у ее носителей своеобразные ожидания, сквозь призму которых они оценивают текущее взаимодействие. Человек, уверенный в том, что мир справедлив, дает высокую оценку общению, которая, в свою очередь, оказывает влияние на анализ информации и отражается на восприятии участников. В частности, чем больше люди верят в справедливый мир, тем более позитивно они оценивают взаимодействие (например, подсудимые, верящие в справедливый мир, выше оценивают правовую процедуру и условия тюремного заключения (Dalbert, Fiske, 2007)), тем лучше относятся к успешным, удачливым и красивым людям и хуже к – неуспешным, неудачливым и некрасивым (Callan, Ellard, Nicol, 2006). Вера в справедливый мир защищает людей от негативных переживаний. Сталкиваясь с новой задачей, они испытывают меньший стресс, реагируют на нее как на приключение, а не угрозу, и лучше решают ее (Tomaka, Blascovich, 1994). Попадая в неприятную ситуацию, например, будучи арестованными за совершение преступления или став жертвами смертельного заболевания, они демонстрируют большее психологическое благополучие (Dalbert, Fiske, 2007; Park et al., 2008). Проваливая экзамен, такие люди прикладывают больше усилий для того, чтобы построить карьеру и достичь долговременных целей. Позитивная роль «веры в справедливый мир» особенно ярко проявляется среди членов низкостатусных групп, представители которых постоянно находятся в ситуации фрустрации (Laurin, Fitzsimons, Kay, 2011).

Любая информация, которая не соответствует вере в справедливый мир, является для человека источником когнитивного диссонанса. Типичным примером являются страдания невинной жертвы или взаимодействие с предубежденным партнером. Диссонанс вызывает негативные эмоции, в первую очередь тревогу и гнев (Hafer, 2000; Van Zomeren, Lodewijk, 2009). Стремясь избежать их, человек активно защищает свои убеждения. Это особенно характерно для тех, кто склонен сохранять свое состояние (Van Zomeren, Lodewijk, 2009), не умеет контролировать отрицательные переживания, подавлять или трансформировать их (Ijzerman, Prooijen, 2008).

Желая восстановить когнитивный баланс и избавиться от негативных эмоций, люди активно ищут ту информацию, которая подчеркивает справедливость взаимодействия, и придают ей большое значение.

Степень влияния веры в справедливый мир во многом зависит от типа события и ответственности ее носителя. В частности, люди переоценивают пострадавшего человека, когда они обладают свободой интерпретации, например, когда причину неудачи нельзя однозначно определить как внутреннюю или внешнюю, а подобные события происходят достаточно редко (Lowe, Medway, 1976). Кроме того, к очернению жертвы больше склонны те, кто является причиной ее страданий, несет за них ответственность (Cialdini, Kenrick, Hoering, 1976) или похож

⁸ Впоследствии между справедливостью и заслуженностью стали проводить различие, подчеркивая, однако, их тесную связь между собой. Так, чем выше человек оценивает справедливость участников общения, тем более заслуженной он считает их победу (Feather, 2002). И наоборот, чем более заслуженным кажется хорошее отношение к участникам, тем более справедливым считается позитивный исход (Heuer et al., 1999).

на подлинного виновника (Bal, Van Den Bos, 2010). Совершение подобных действий понижает самооценку виновника, а очернение служит средством ее восстановления.

Конечно, за полувековую историю существования теория справедливого мира претерпела некоторые изменения.

Во-первых, серьезной критике подверглась идея Лернера об универсальности веры в справедливый мир. Оказалось, что ею обладают люди, нуждающиеся в оправдании своих представлений, положения, действий, а также в ощущении контроля за происходящим (Calhoun et al., 1998; Connors, Heaven, 1987; Furnham, 1993; Glennon, Joseph, Hunter, 1993; Hafer, 2000; Murphy-Berman, Berman, 1991). В частности, она чаще встречается у авторитарных людей, сторонников «правых» партий и движений, членов высокостатусных социальных групп и представителей культур с большой властной дистанцией. Все эти люди уважают власть и стремятся сохранить существующую систему социальных отношений. Вера в то, что униженное положение представителей некоторых групп является заслуженным, помогает им оправдать собственные убеждения и действия. Кроме того, в справедливость мира больше верят религиозные люди, те, кто имеет внутренний локус контроля, ставит долгосрочные цели и планирует достигнуть их справедливым путем. Эта вера позволяет им сохранить ощущение контроля над своей жизнью. Поэтому современные сторонники теории говорят о том, что люди различаются по степени веры в справедливый мир. Как следствие, интенсивность описанных выше процессов – формирования ожиданий, возникновения негативных эмоций и переоценки людей – зависит от ее выраженности.

Во-вторых, некоторое сомнение стала вызывать идея о том, что «вера в справедливый мир», является «буфером», блокирующим воздействие негативных стимулов. Выяснилось, что психологическое благополучие человека, находящегося в ситуации постоянной фрустрации, например, члена стигматизированной группы, повышает скорее «вера в несправедливость мира». Соответствуя его опыту, подтверждая его ожидания, она вызывает меньшую тревогу, чем «вера в мировую справедливость» (Townsend et al., 2010).

В-третьих, некоторые сомнения вызвала однородность веры в справедливый мир. Лернер полагал, что она является единым образованием и затрагивает, прежде всего, дистрибутивную справедливость в отношении окружающих людей. Однако тесная связь веры в справедливый мир с психологическим благополучием ее носителя и рост интереса к процессу взаимодействия заставил некоторых исследователей пересмотреть свой взгляд на ее структуру. В настоящее время выделяют шесть основных аспектов веры в справедливый мир, которые различаются по трем основным критериям.

- Кто является объектом справедливости – Я или окружающие люди? Это разделение связано с серьезностью и характером последствий. Вера в справедливость мира по отношению к себе повышает психологическое благополучие человека, увеличивает его самоэффективность и уменьшает склонность к делинквентному поведению. Уверенность в справедливости мира по отношению к другим вызывает противоположные последствия, а также ухудшает отношение к членам низкостатусных групп (Lucas, Goold, 2008; Lucas, Zhdanova, Alexander, 2011; Sutton, Winnard, 2007).

- Какой аспект принимается во внимание – справедливость результата или процесса? В пользу этого различия говорит тот факт, что вера в дистрибутивную и процедурную справедливость связаны с разными аспектами психологического благополучия человека (Lucas et al., 2008; Lucas, Zhdanova, Alexander, 2011; Lucas, Goold, 2008).

- В какую справедливость верят люди – имманентную или окончательную. В первом случае речь идет о текущей справедливости мира, а во втором об итоговой. Они формируются при разных условиях семейного воспитания и вызывают разные последствия. Если вера в окончательную справедливость повышает психологическое благополучие, радость от профессиональ-

ной деятельности и оценку сплоченности группы, то вера в имманентную вызывает противоположные последствия (Maes, Kals, 2002). Возможно, в первом случае человек надеется на лучшее, а во втором внимательно оценивает свое положение и приходит к неутешительному выводу о собственном несовершенстве.

Однако изменения, произошедшие в теории справедливого мира, не затронули основную идею этой концепции. Современные исследователи по-прежнему признают, что эта вера оказывает влияние на оценку справедливости текущего взаимодействия.

Эта убежденность порождает вопрос о том, может ли человек полностью игнорировать новую информацию; а если нет, то каким образом ее влияние комбинируется с ожиданиями. Ответ на него дают авторы двух современных концепций – теории ожиданий и эвристической теории справедливости⁹.

Ожидания и текущее взаимодействие

Роль ожиданий в анализе информации. Идея о влиянии ожиданий на анализ информации является краеугольным камнем психологии познания. Как правило, ожидания рассматриваются в качестве «фильтра», который оказывает воздействие на отбор, интерпретацию и запоминание новых сведений.

Психологи полагают, что источником ожиданий являются различные когниции – ценности и аттитюды, эмоции и мотивация человека. Они могут сформироваться задолго до начала анализа информации или прямо перед ним.

Роль ожиданий особенно ярко проявляется при восприятии, интерпретации, запоминании информации о людях и отношениях между ними. Исследования, проведенные в рамках психологии социального познания, продемонстрировали, что, получая разнообразную информацию об окружающих, человек придает одним сведениям большее значение, чем другим. В частности, он уделяет большее внимание той информации, которая соответствует ожиданиям. Это позволяет ему сформировать целостное впечатление в условиях лимита времени и когнитивных ресурсов, дает возможность устранить негативные эмоции, вызванные когнитивным диссонансом, а также продемонстрировать социальную компетентность (Leyens et al., 1999).

Ожидания, связанные с характеристиками людей и отношениями между ними, различаются по двум основным параметрам.

- Они могут формироваться в разные моменты общения: одни возникают еще до его начала, а другие – в первые минуты знакомства. Если в основе ожиданий лежит информация о партнере по общению, полученная до его начала, то речь идет об эффекте «ореола» (Rotenberg, Gruman, Ariganello, 2002; Memon, Holliday, Hill, 2006). Однако если ожидания сформировались в начале общения, то речь идет об эффекте «первичности». В этом случае первая оценка оказывает влияние на восприятие дальнейших действий партнера.

- Кроме того, ожидания различаются по характеру информации, которая лежит в их основе. Если она имеет непосредственное отношение к участникам взаимодействия, то речь идет о классических вариантах эффектов «ореола» и первичности. Однако если она касается других людей, то возникает эффект прайминга: например, напоминание человеку о такой черте, как «самоуверенность», впоследствии оказывает влияние на восприятие непосредственного партнера по общению (Stapel, Kooman, 2000).

⁹ Аналогичные идеи высказываются и в теории защиты ценностей, созданной для объяснения того, почему люди следуют требованиям справедливости. Она будет описана в следующей главе.

Вне зависимости от способа формирования, ожидания оказывают двойное влияние на обработку информации об окружающих людях.

- Они определяют направление ее анализа – отбора, интерпретации и запоминания. Так, в ходе общения человек обращает большее внимание на поступки партнера, которые соответствуют ожиданиям, лучше запоминает их, а также интерпретирует в соответствии с ними поведение, смысл которого непонятен. Однако при наличии явных противоречий между ожидаемым и реальным поведением, участнику приписываются противоположные характеристики (Tobin, Weary, 2003).

- Ожидания оказывают влияние на аттитюды к человеку. Более позитивную реакцию вызывает тот партнер, поведение которого соответствует ожидаемому. Это, в первую очередь, касается социально желательных поступков и связанных с ними психологических особенностей. В то же время человек, нарушающий ожидания, получает экстремальную оценку в направлении нарушения. Участник, который повел себя социально одобряемым образом при наличии отрицательных ожиданий, воспринимается исключительно позитивно, а социально неодобряемым при наличии положительных – резко негативно (Petzold, 1986).

Эти идеи были использованы при формулировке двух современных концепций справедливости.

Эвристическая теория справедливости. Первая из них получила название эвристической теории. Ее сторонники полагают, что, вступая во взаимодействие, человек часто не обладает сведениями, необходимыми для всесторонней оценки соблюдения / нарушения отдельных норм (Bell, Ryan, Wiechmann, 2004). В этих условиях он выносит первые суждения о его справедливости. Они редко пересматриваются и функционируют как познавательные схемы (эвристики), сквозь призму которых воспринимается и интерпретируется новая информация. Их использование позволяет человеку увеличить определенность среды (Chen et al., 2010). Таким образом, сторонники эвристической теории справедливости обращаются к изучению эффекта первичности.

Сформировав первые ожидания о справедливости общения, человек избирательно воспринимает, интерпретирует и запоминает последующую информацию. Следствием становится предубежденная оценка взаимодействия (Choi, 2008; Dalbert, Fiske, 2007; Rodell, Colquitt, 2009; Scott, Colquitt, Zapata-Phelan, 2007). Люди, которые заранее полагают, что их партнер, группа и мир в целом справедливы или позитивно относятся к ним, впоследствии выше оценивают справедливость реального общения (Choi, 2008; Rodell, Colquitt, 2009; Scott, Colquitt, Zapata-Phelan, 2007). Даже в том случае, когда партнер нарушает отдельные нормы, эти люди оправдывают его действия (Tyler, 1987). В то же время участники, которые заранее считают взаимодействие несправедливым, выделяют в нем те аспекты, которые соответствуют ожиданиям, вследствие чего оценка реального и будущего общения становится все ниже и ниже (Riederer, Mikula, Bodi, 2009). Подобное влияние проявляется в личном (Riederer, Mikula, Bodi, 2009), деловом (Choi, 2008; Rodell, Colquitt, 2009; Scott, Colquitt, Zapata-Phelan, 2007) и даже политическом (Tyler, 1987) взаимодействии.

Следовательно, итоговая оценка зависит как от соблюдения норм справедливости в текущем взаимодействии, так и от предварительных ожиданий, при условии, что больший вклад вносят первые полученные человеком сведения¹⁰. Чем раньше человек получает хотя бы минимальную информацию о справедливости непосредственного общения (Van den Bos et al., 1997;

¹⁰ Эта теория объясняет, почему справедливость процесса оказывает влияние на оценку справедливости результата. Вступая во взаимодействие, человек получает информацию о процедуре раньше, чем об исходе. В противном случае этот эффект уменьшается (Skitka, 2002).

Van den Bos, Vermunt, Wilke, 1997), чем легче извлекает ее (Muller et al., 2010), тем большее влияние она оказывает на итоговую оценку справедливости. В противном случае в основу его суждений ложатся другие факторы, на основе которых формируются ожидания.

К ним, прежде всего, относятся ценности и аттитюды человека. Так, люди, ценящие власть, ожидают от высокостатусных членов общества, например руководителей крупных промышленных кампаний, большей справедливости и, как следствие, дают более высокую оценку их действиям; в то же время те, кто ценит равенство, считают более справедливыми действия профсоюзов, защищающих права рядовых сотрудников (Feather, 2002). Люди, цинично относящиеся к окружающим, не доверяют им и, как следствие, дают более низкую оценку межличностной справедливости (Peng, Zhou, 2009). Люди, имеющие предрассудки в отношении представителей какой-либо группы, оценивают программы помощи им как менее справедливые, чем непредубежденные участники взаимодействия (Bobocel et al., 1998) и т. д.

Кроме того, на ожидания может оказывать влияние самооценка человека. Люди, считающие себя счастливыми и веселыми, выше оценивают дистрибутивную, процедурную и межличностную справедливость, чем те, кто уверен в обратном (Спиридонов, Безменова, Гулевич, 2009). Они заранее воспринимают мир как источник приятных сюрпризов.

И наконец, источником ожиданий могут стать эмоции. В этом случае эмоциональное состояние выступает в качестве «фильтра», пропускающего преимущественно соответствующую ему информацию. Так, люди, испытывающие позитивные эмоции, с высоким уровнем психологического благополучия дают более высокую оценку дистрибутивной, процедурной и межличностной справедливости взаимодействия, чем те, кто испытывает негативные эмоции (Спиридонов, Безменова, Гулевич, 2009; Barsky, Kaplan, 2007; Byrne et al., 2004; Lang et al., 2011). Это означает, что в отсутствии информации об особенностях общения, люди строят свои суждения о его справедливости на основании своих эмоций (Van den Bos, 2003). Воздействие эмоционального состояния может стать настолько сильным, что сформированные благодаря ему ожидания «заблокируют» информацию о текущем взаимодействии. Так, чем чаще человек испытывает негативные эмоции, тем меньшее влияние справедливость оказывает влияние на удовлетворенность участников (Irving, Coleman, Bobocel, 2005).

Позитивность эмоций, в свою очередь, определяется эмоциональной стабильностью и стратегиями совладания со стрессом. Ниже всего справедливость взаимодействия оценивают люди с высоким уровнем нейротизма (Van Hiel, De Cremer, Stouten, 2008), использующие для нормализации своего состояния эмоционально-фокусированный копинг (Finkelstein, Minibas-Poussard, Bastounis, 2009). Они ощущают неуверенность и плохо справляются с возникающими негативными эмоциями.

Таким образом, анализируя роль ожиданий в оценке справедливости взаимодействия, сторонники эвристической теории полагают, что они оказывают воздействие на обработку информации о текущем общении. Итоговая оценка справедливости всегда является результатом комбинации сведений о непосредственном взаимодействии и предварительных ожиданий. Это происходит, поскольку информация о справедливости, которую человек получает в первые минуты общения, отрывочна, противоречива и, следовательно, не дает полного представления о поведении участников. Вопрос состоит лишь в степени их воздействия: чем быстрее человек получает первые надежные сведения о справедливости взаимодействия, тем ниже роль предварительных ожиданий.

В целом, затрагивая проблему обработки информации, эвристическая теория не учитывает воздействия ожиданий на аттитюды к участникам общения. Этот аспект учтен в другой концепции справедливости – теории ожиданий.

Теория ожиданий. В отличие от авторов эвристической концепции, сторонники этой теории полагают, что предварительные ожидания, касающиеся справедливости общения, фор-

мируются у людей еще до его начала (Bell, Ryan, Wiechmann, 2004). Таким образом, предмет их изучения становится эффект «ореола».

По их мнению, эти ожидания оказывают влияние не столько на обработку информации, сколько на аттитюды к участникам. Отношение к ним зависит от степени соответствия предварительных ожиданий реальному поведению.

При совпадении между ними человек дает высокую оценку тому участнику, чье поведение подтвердило позитивные ожидания, и низкую – негативные (принцип ассимиляции). Например, сотрудники организации, считающие своего руководителя непредубежденным человеком, гораздо чаще соглашались с его решениями, если они были приняты справедливым путем, т. е. при подтверждении позитивных ожиданий (Stahl, Vermunt, Ellemers, 2008).

При явном нарушении ожиданий оценки даются противоположным образом (принцип контраста). Разрушение отрицательных ожиданий вызывает позитивное отношение к человеку, а разрушение положительных – негативное. Например, присяжные, ожидающие справедливого обращения со стороны судьи и столкнувшиеся с несправедливым, гораздо ниже оценивают судебный процесс, чем те, чьи ожидания были негативными (Machura, 2003).

В том случае, когда информация о текущем взаимодействии носит нейтральный характер, т. е. не подтверждает и не опровергает существующие ожидания, их влияние проявляется следующим образом. Если полученные сведения касаются участника, с которым человек хорошо знаком, то выполняется принцип ассимиляции. Например, сотрудник, давно знающий своего руководителя и неоднократно общающийся с ним, более позитивно реагирует на нейтральное сообщение, если прошлое взаимодействие было справедливым, и менее позитивно – в противоположном случае (Van den Bos et al., 2005). В то же время если речь идет о незнакомом участнике взаимодействия, который напоминает человеку хорошо знакомого, то в действие вступает принцип контраста. Так, сотрудник, имеющий опыт несправедливого общения с прежним руководителем, дает более позитивную оценку нейтральному сообщению от нового, чем тот, с кем раньше обращались справедливо (Van den Bos et al., 2005).

Благодаря воздействию на аттитюды, подтверждение / нарушение ожиданий оказывает влияние на поведение человека (Bell, Wiechmann, Ryan, 2006). Так, сотрудники, ожидающие справедливого обращения и столкнувшиеся с несправедливостью руководителя, больше склонны к мести, чем те, у кого позитивные ожидания не были сформированы (Jones, Skarlicki, 2005).

Таким образом, анализируя роль ожиданий в оценке справедливости взаимодействия, сторонники этой теории полагают, что они оказывают воздействие на аттитюды к участникам и поведение по отношению к ним. Подобно авторам эвристической теории, они обращают внимание на соотношение между сведениями о текущем общении и предварительными ожиданиями. Однако в отличие от своих коллег, они считают, что два выделенных источника информации неразрывно связаны друг с другом. Их воздействие осуществляется в совокупности, а не по принципу «или-или».

Стоит отметить, что комбинация двух теорий позволяет описать полный цикл воздействия ожиданий о справедливости общения.

Прошлые общение, соответствующее или не соответствующее нормам справедливости, формирует у человека предварительные ожидания от будущего взаимодействия. При отсутствии подобного опыта в основу ожиданий ложатся первые сведения, полученные человеком в ходе текущего общения.

Эти ожидания направляют обработку поступающей к человеку информации и таким образом оказывают влияние на общую оценку справедливости. Выраженность этого эффекта зависит от степени соответствия между информацией о справедливости текущего взаимодействия и предварительными ожиданиями. Соответствие позитивным и нарушение негативных

ожиданий повышает оценку справедливости взаимодействия, а соответствие негативным и нарушение позитивных понижает ее.

Общая оценка, в свою очередь, определяет аттитюды человека к участникам взаимодействия и поведение по отношению к ним. Поскольку принципы ассимиляции и контраста сказываются на общей оценке справедливости, они реализуются при формировании аттитюдов и совершении поступков.

Возникает вопрос: зачем люди прикладывают столько усилий, оценивая справедливость взаимодействия? какие цели они преследуют, тщательно следя за ее соблюдением? Речь об этом пойдет в следующей главе.

Глава 2. Цели соблюдения справедливости

Вопрос о причинах соблюдения справедливости был впервые поставлен в рамках социальной философии. Описывая справедливое государство, специалисты руководствовались определенными представлениями об основных целях человеческой деятельности. Развиваясь на протяжении столетий, философские теории сыграли важную роль в создании общего культурного и научного контекста. Благодаря этому, они оказали некоторое влияние на психологические концепции (рисунок 7).

Рис. 7. Психологические объяснения стремления к справедливости

Справедливость как средство получения личного вознаграждения

Философские истоки «индивидуальной» традиции

Идея о том, что соблюдение справедливости является средством, позволяющим человеку получить личное вознаграждение, возникла в рамках либеральных теорий, получивших распространение в Европе Нового времени (Карнаш, 2004, 2006, 2008; Кашников, 2004).

Их сторонники воспринимали человека как единицу, предшествующую обществу и свободную от его уз. С точки зрения либерализма, основной ценностью является индивидуальная свобода, которая рассматривается как необходимое условие самореализации человека, преследующего личные цели («свобода от»). Следовательно, основная роль в удовлетворении потребностей отводится самому человеку, его усилиям, а не помощи со стороны других людей или государственной структуры. Такое представление о свободе связано с определенным отношением к равенству, которое понимается как личное равенство (равенство перед Богом) и равенство возможностей, но не равенство результатов.

Кроме того, либералы рассматривали человека как разумное существо. Именно этим свойством они объясняли роль, которую справедливость играет в человеческом обществе. По их мнению, благодаря наличию разума, человек понимает, что соблюдение норм справедливости позволит ему достигнуть поставленных целей.

За время существования либеральный подход претерпел значительные изменения. Его первые представители, к числу которых относились Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо, рассматривали человека как существо, наделенное неотъемлемыми правами. Они полагали, что основной задачей государства является их гарантия. Как следствие, они выступали с требованием максимальной личной свободы в частной сфере и одновременно сильной власти, которая может стать арбитром в индивидуальных спорах.

Однако возникший впоследствии утилитаризм поставил под сомнение идею неотъемлемых прав, выдвинув на первое место идею пользы. Его сторонники полагали, что главной целью существования общества является достижение его гражданами счастья – удовольствия, проявляющегося на физиологическом и психологическом уровне и связанного с духовными и интеллектуальными достижениями. Соответственно, справедливым считалось общество, которое позволяет достичь этого состояния максимально большому количеству людей. По их мнению, одно состояние общества является более справедливым, чем другое, если хотя бы один человек способен более полно удовлетворить свои потребности, при условии, что остальные граждане чувствуют себя не хуже, чем раньше; или если приобретения одних людей достаточно велики, чтобы компенсировать потери других.

Классический вариант утилитаризма вызвал серьезную критику. Поэтому дальнейшее развитие либерального направления пошло по пути согласования индивидуальных прав и пользы (Р. Нозик, Д. Готиер, Дж. Ролз). Несмотря на различия между теориями, созданными в русле неолиберализма, их сторонники придерживаются нескольких общих принципов. Три первых принципа – личной свободы, индивидуальных прав и честности – были описаны в первой главе. В данном случае стоит отметить две других идеи – принципы личного интереса и кооперации.

Принцип личного интереса гласит, что люди стремятся к достижению личных целей, получению индивидуального вознаграждения. Однако поскольку разные люди обладают раз-

ными интересами и разными ресурсами, необходим механизм их согласования. Об этом говорит второй принцип.

Согласно принципу кооперации, достижение личных целей возможно лишь благодаря кооперации между людьми. Дело в том, что стремление человека к максимизации своих предпочтений может привести к неоптимальному результату, при котором страдают интересы всех заинтересованных сторон. Следовательно, для достижения максимальной выгоды люди вынуждены ограничивать себя, согласовывать свои действия с окружающими. Можно сказать, что общество (государство) является кооперативным предприятием, которое создается с целью взаимной выгоды.

Основным регулятором общественных отношений являются нормы справедливости, возникающие в результате общественного договора. Стремление достичь личных целей заставляет людей проявлять бдительность по отношению друг к другу, а нормы справедливости делают возможным их объединение во имя безопасности. Таким образом, справедливость ограничивает достижение индивидуальных целей, тем самым способствуя социальной кооперации.

Кооперация означает, что, стремясь к достижению личных целей, человек не злоупотребляет интересами окружающих, не пытается получить результат за чужой счет, не перекладывает свои затраты на плечи других участников и не наносит им ущерба. Как следствие, любые действия человека не ухудшают положение других членов общества, а социально-экономическое неравенство приемлемо только в том случае, если оно предоставляет преимущества всем гражданам, в том числе наименее преуспевающей части общества. Справедливым можно считать то общественное устройство, которое позволяет организовать жизнь таким образом. Именно в таком обществе люди получают определенные гарантии в достижении личных целей.

Таким образом, сторонники нелиберального направления уделяют большое внимание индивидуальности человека, подчеркивают важность достижения личных целей, при этом делают акцент на добровольном самоограничении участников взаимодействия и соблюдении прав всех заинтересованных сторон.

Психологические истоки «индивидуального» понимания справедливости

Идеи, развивающиеся в рамках либерального подхода, проникли и в психологию. Первоначально наибольшую популярность приобрел принцип личного интереса. Идея человека-эгоиста легла в основу целого ряда психологических концепций необихевиорального толка, созданных для описания взаимодействия, прежде всего, теорий Дж. Хоманса, Д. Тибо и Г. Келли.

В основе этого подхода лежат следующие идеи.

1. Человек по своей природе гедонист. Выбирая направление активности, он руководствуется возможным вознаграждением и наказанием: стремится получить первое и избежать второго.

2. Это стремление лежит в основе основного психологического механизма, благодаря которому человек обучается новым формам поведения. Этот механизм был назван оперантным обусловливанием.

Научение с помощью оперантного обусловливания выглядит следующим образом. Человек совершает поступок, а затем оценивает полученное подкрепление, которое может быть позитивным (вознаграждение) или негативным (наказание). В первом случае он продолжает совершать подобные поступки в дальнейшем, а во втором изменяет свое поведение.

Достаточно часто источником подкрепления служат окружающие люди. В этой ситуации подкрепление может быть материальным и психологическим. В первом случае речь идет о

ресурсах, необходимых для функционирования организма, а во втором – о выражении определенного отношения к человеку.

3. Человек разумен. Определяя характер подкрепления, он тщательно анализирует информацию о текущем взаимодействии, возможные исходы и выбирает тот, который принесет ему максимальную пользу. Под исходом понимается разница между размером вознаграждения / наказания и издержками (затраченным временем, усилиями, материальными ресурсами и т. д.).

Опираясь на прошлый опыт, человек может не только оценить текущее подкрепление, но и выдвинуть предположение о том, каким оно будет в будущем. Оценивая реальное или возможное подкрепление, он опирается на несколько основных принципов. В частности, он анализирует позитивность исхода, частоту подкрепления, время, прошедшее от совершения поступка до его получения, а также его субъективную ценность. Следовательно, чтобы оказать влияние на поведение, подкрепление должно быть осмыслено как вознаграждение или наказание.

4. Получив и оценив подкрепление, человек испытывает эмоции. Вознаграждение или избегание наказания вызывает удовольствие; наказание или отсутствие подкрепления – гнев.

5. Все указанные выше принципы описывают как обращение человека с неодушевленными объектами, так и социальное взаимодействие. Вступая в общение, человек стремится получить вознаграждение. Это продолжается до тех пор, пока его участники верят, что добились своей цели или могут сделать это в будущем. Оценивая позитивность исхода, они ориентируются как на идеальное состояние, так и на прошлый опыт.

6. Социальное взаимодействие отличается от обращения человека с неодушевленными объектами наличием взаимозависимости и контроля.

Взаимозависимость может принимать две основные формы. При симметричной зависимости каждый из участников оказывает влияние на своего партнера, тогда как при несимметричной такой возможностью обладает лишь один из них.

Взаимозависимость предполагает контроль. Он может быть фатальным, при котором действия одного участника полностью определяют исход другого, и поведенческим, дающим ограниченные возможности влияния.

Наличие взаимозависимости и контроля требует от участников взаимодействия умения согласовывать свои интересы. В противном случае, пострадавшая сторона понесет серьезные потери и покинет его. В результате участник, получивший кратковременный выигрыш, проиграет в долгосрочной перспективе. Следовательно, согласование интересов является необходимым условием достижения личных целей.

Именно эти идеи были реализованы в первых теориях, объясняющих роль справедливости в социальном взаимодействии – теории беспристрастности (справедливость результата) и личного интереса (справедливость процесса).

Теория беспристрастности

В середине 1960-х годов эти идеи воплотились в первой теории дистрибутивной справедливости – теории беспристрастности. У ее истоков стояли Дж. Адамс (Adams, 1965; Adams, Freedman, 1976), И. Уолстер (Walster, Berscheid, Walster, 1976) и Г. Левенталь (Leventhal, 1976). Эта теория включает в себя представление о цели социального взаимодействия, регулирующих его нормах и условиях их нарушения.

1. *Цель социального взаимодействия – получение личного вознаграждения*. Авторы этой теории рассматривают отношения между людьми как последовательность актов взаимодействия. Однако они отталкиваются от расширительной трактовки этого явления. Обычно этот

термин применяется для характеристики отношений, участники которых зависят друг от друга и обладают контролем друг над другом. В то же время теория справедливости как беспристрастности описывает самые разные ситуации: от подлинного взаимодействия до одновременного совершения каких-либо действий. Во втором случае люди самостоятельно выполняют свою работу, зная о том, что делают окружающие и какое вознаграждение они получают. Такое понимание, с одной стороны, не учитывает специфику взаимного обмена, но, с другой стороны, открывает возможность для реализации этого принципа при анализе самых разных межличностных и межгрупповых отношений.

По мнению авторов этой теории, отношения между людьми могут принимать форму симметричной и несимметричной зависимости. В первом случае речь идет о «горизонтальном» взаимодействии между людьми, имеющими равный статус, а во втором – о «вертикальном» общении между разностатусными участниками, например руководителем и подчиненными.

Сторонники теории беспристрастности полагают, что, вступая во взаимодействие, человек стремится к наилучшему исходу. Если вознаграждение сопоставимо с издержками, исход равен нулю. Когда полученные ресурсы больше, он считается положительным, а когда меньше – отрицательным. Таким образом, каждый из участников старается, чтобы его личный исход был максимально позитивен¹¹.

Эгоистическая ориентация порождает конфликт, результатом которого становится рост издержек и уменьшение общегруппового вознаграждения. Как следствие, исходы каждого участника становятся все хуже и хуже, что в конечном итоге разрушает взаимодействие и блокирует получение вознаграждения в дальнейшем.

Для предотвращения подобного исхода люди вырабатывают нормы, соблюдение которых позволяет им избежать затяжного конфликта, тем самым уменьшает издержки и увеличивает вознаграждение. Основную роль в этом процессе играет справедливость.

2. Беспристрастность – главная норма справедливости. Согласно теории Дж. Адамса, основной нормой справедливости является беспристрастность. В соответствии с ней взаимодействие рассматривается как справедливое, если исход, т. е. разница между издержками и вознаграждением одного участника, равна исходу другого.

Формулировка этой нормы в некоторой степени зависит от организации взаимодействия. Если в нем принимают участие три человека, один из которых распределяет вознаграждение между двумя другими (несимметричная зависимость), то справедливым считается положение дел, когда человек, сделавший большую часть работы, получает большее вознаграждение, чем его коллега. Если речь идет о симметричной зависимости, то норма беспристрастности принимает форму взаимодополнения: справедливым считается взаимодействие, при котором вознаграждение, выделенное каждым участником своему партнеру, соответствует полученному от него. Человек, поделившийся с коллегой своим завтраком, считает справедливым, что в следующий раз его партнер сделает то же самое (Aral, Sunar, 1977).

Стоит отметить, что такая формулировка нормы беспристрастности учитывает лишь объем проделанной работы, но игнорирует усилия, которые человек прикладывает в ходе взаимодействия, потраченное им время и ресурсы. Роль этих параметров отражена в другой норме, согласно которой вознаграждение можно считать справедливым, если оно соответствует количеству затраченных усилий. Интересно, что современные сторонники теории беспристрастности поставили между этими нормами знак равенства, полагая, что человек, прикладывающий большие усилия, добьется лучшего результата. Таким образом, они не учитывают роль способностей и целого ряда ситуационных факторов.

¹¹ Это предположение соответствует обыденному представлению о человеке, распространенному в индивидуалистских культурах. Располагая минимумом информации об участнике взаимодействия, их представители склонны ожидать от него эгоистической ориентации при распределении вознаграждения и недооценивать его стремление вознаградить партнера (Vuolevi, Van Lange, 2010).

Кроме того, говоря о беспристрастности, основоположники этой теории имели в виду вознаграждение, игнорируя наказание. Вероятно, это было связано с особым вниманием к деловому взаимодействию. Расширение контекста потребовало разделения собственно дистрибутивной и карательной справедливости. Во втором случае справедливым признается положение дел, при котором человек, нанесший больший ущерб окружающим, например, совершивший более серьезное преступление, подвергается более серьезному наказанию, чем нанесший меньший ущерб (Izzett, 1981).

Вне зависимости от формулировки, авторы теории беспристрастности рассматривали эту норму как критерий оценки взаимодействия. По их мнению, стремясь достичь поставленных целей, человек тщательно следит за ее соблюдением. Возведя беспристрастность в ранг основного принципа общения, они попытались описать его с помощью математической формулы (Wagstaff, Perfect, 1992).

Возникает вопрос: каким образом люди оценивают соотношение между издержками и вознаграждением / наказанием? Сторонники теории беспристрастности полагают, что при определении справедливости взаимодействия основную роль играет не объективное соотношение издержек и подкреплений, а их восприятие участниками. Они подчеркивают, что человек, который распределяет вознаграждение, объект его действий и сторонний наблюдатель могут давать разную оценку одному и тому же исходу, и, следовательно, по-разному оценивать это общение. Это происходит по четырем основным причинам.

- Различия в оценке человеком своих и чужих издержек. Достаточно часто люди преувеличивают размер и важность своих издержек по сравнению с издержками партнера.
- Различия в оценке подкрепления. Участники взаимодействия придают разное значение одному и тому же подкреплению. Одни считают его большим, а другие – незначительным, одни рассматривают его как вознаграждение, а другие – как наказание. Например, человек, заработная плата которого составляет 10 тысяч рублей, будет рассматривать аналогичную премию как солидное вознаграждение, а тот, кто получает 100 тысяч, не придаст ей значения.
- Различие в восприятии несправедливости. Некоторые люди считают несправедливым минимальное несоответствие исходов, а другие обращают внимание лишь на серьезные расхождения. Впоследствии эти различия получили название «чувствительности к несправедливости» и стали изучаться отдельно.
- Различие в оценке элементов взаимодействия. Разные люди могут рассматривать один и тот же элемент взаимодействия с разных точек зрения. Для человека, любящего свою работу, повышение в должности без увеличения оклада станет вознаграждением, демонстрирующим признание его заслуг, а для равнодушного сотрудника – наказанием, сулящим ему лишние заботы и т. д.

Благодаря этим различиям, все без исключения участники взаимодействия могут считать себя либо выигравшими, получившими большее вознаграждение, чем предполагает норма беспристрастности, либо проигравшими.

3. *Условия нарушения беспристрастности.* Основовоположники теории беспристрастности полагали, что, несмотря на большое значение, которое люди придают этой норме, в ряде случаев они сознательно нарушают ее. Как правило, они делают это по двум причинам.

Во-первых, они хотят получить вознаграждение и следуют норме беспристрастности до тех пор, пока верят, что это поможет им достигнуть цели. В противном случае участники взаимодействия нарушают ее.

Во-вторых, люди нарушают норму беспристрастности для того, чтобы оказать воздействие на партнера – вызвать у него чувство вины и, благодаря этому, получить дополнительное вознаграждение или повысить его продуктивность.

Возникнув в 1960-е годы, теория справедливости как беспристрастности сохранила лидирующее положение при изучении дистрибутивной справедливости. Тем не менее в ней игнорируется справедливость процесса вынесения решения. Эта проблема затрагивается в следующей теории.

Справедливость процесса: теория личного интереса

В области справедливости процесса идея об эгоизме человека воплотилась в теории личного интереса, сформулированной Дж. Тибо и Л. Уолкером. Они полагали, что, вступая во взаимодействие, человек стремится получить максимальное индивидуальное вознаграждение при минимальных издержках. Не имея возможности достичь этой цели немедленно, он обращается к процедуре, которая гарантирует ему позитивный исход в будущем (Lind, Tyler, 1988).

Следовательно, оценивая общение, человек в первую очередь обращает внимание на позитивность исхода (Bauer et al., 1998). Так, выбирая норму справедливости, он ищет принцип, который позволит ему получить максимальное вознаграждение (Van Beest, Van Dijk, 2007).

Кроме того, участник, получивший благоприятный результат, т. е. достигший своей цели, считает его (Greenberg, 1987) и процесс взаимодействия более справедливыми, чем тот, кто не получил вознаграждения или был наказан (Stahl, Van Prooijen, Vermunt, 2004). Эта закономерность особенно ярко выражена у людей, стремящихся к достижениям, пытающихся изменить ситуацию, а не приспособиться к обстоятельствам, т. е. у тех, кто принимает активное участие во взаимодействии и ожидает успеха (Chan, 2006).

Лишь в том случае, когда участник не может однозначно оценить полученный результат, он обращает внимание на процедуру общения: работа в рамках справедливой процедуры повышает оценку незначительного или неблагоприятного исхода. Таким образом, процедура является «вторичным» фактором и выполняет в общении второстепенную роль.

Несмотря на некоторые различия, обе теории «индивидуального вознаграждения» имеют общие особенности. Их сторонники рассматривают оценку справедливости взаимодействия как результат рационального суждения, сделанного эгоистичным человеком, стремящимся достичь личных целей.

Основное ограничение подобных теорий связано с тем, что в целом ряде случаев человек готов пожертвовать собственными интересами ради блага других людей. Это происходит, поскольку он является социальным существом, т. е. зависит от группы и стремится стать ее частью. Эта идея отражена в другой концепции справедливости, речь о которой пойдет ниже.

Справедливость как средство сохранения группы

Философские истоки «групповой» традиции

Идея о том, что справедливость является средством сохранения общества, впервые была высказана древнегреческими философами. Античные мыслители пытались найти способ устройства полиса, позволяющий разрешить социальные конфликты и тем самым сохранить его целостность. Работая над решением этой проблемы, они предположили, что бытие и отдельного человека, и политического сообщества вписано в план мироздания и в определенной степени неотделимо от природных ритмов. Таким образом, политическая жизнь является отражением естественного порядка. В этом контексте под справедливым общественным устройством они понимали такую организацию совместной жизни, которая соответствует этому порядку, т. е. «высшей» справедливости.

Впервые эта идея зазвучала в работах Платона, однако подлинное развитие она получила в концепции Аристотеля, описывающей идеальное государственное устройство (Кашников, 2004). В основе его понимания справедливости лежит идея о взаимозависимости людей. По его мнению, социальная кооперация, сделавшая возможным разделение труда, облегчает выживание. Представители разного пола объединяются в семьи, семьи в кланы и т. д. Справедливой является общественная структура, способствующая такому объединению. Таким образом, Аристотель подчеркивал в человеке общинное начало и рассматривал справедливость как способ достижения общего блага. Идеи греческих философов проникли в Древний Рим, а оттуда – в европейскую философию.

В Новое время они были вытеснены либеральным подходом, сторонники которого подчеркивали независимость человека и требовали личной свободы для каждого гражданина. Однако в XX в. они возродились в концепциях коммунитаристов (Карнаш, 2006). Возможно, этому способствовало активное взаимопроникновение западных и восточных культур, а также методологический тупик, в который зашли классические либеральные теории. Не случайно идея о необходимости согласования интересов стала активно разрабатываться даже сторонниками нелиберальных концепций. Пока их представители пытались свести воедино идеи личного интереса, свободы и равенства прав, с одной стороны, и необходимости кооперации, с другой, коммунитаристы возродили идею общественного блага (Кашников, 2004; Карнаш, 2006, Прокофьев, 2001).

В основе коммунитарного подхода лежит идея о роли, которую справедливость играет в сохранении общества. Его сторонники считают, что личность имеет социальную природу, поэтому человек стремится не к индивидуальному, а к общему благу. Это означает, что стабильность, сохранение общественных связей, безопасность являются гораздо более важными ценностями, чем личная автономия.

Интересно, что на этой основе разные представители этого направления делают разные выводы. Существующие точки зрения варьируются в зависимости от восприятия роли справедливости в жизни общества и уверенности их сторонников в существовании универсальных принципов.

Одни специалисты полагают, что справедливость играет важную роль в жизни общества (А. Макинтайр, М. Ниссбаум). Необходимость справедливости, по их мнению, диктуется тем, что общественная жизнь носит конкурентный характер: желая получить определенные блага, граждане постоянно конкурируют между собой в различных видах человеческой активности. В этих условиях справедливость является средством сохранения целостности общества. Таким

образом, справедливым можно считать то политическое устройство, которое направлено не на защиту индивидуальных прав, а на сохранение социальной общности.

В качестве универсальных норм справедливости эти коммунитаристы выделяют нормы беспристрастности, равенства прав и возможностей. Например, по мнению Макинтайра, справедливым является то общество, которое воздает гражданам в соответствии с их заслугами в осуществлении общего проекта. Поскольку разные виды человеческой деятельности играют разную роль в сохранении общества, они требуют разного вознаграждения. В то же время, по мнению Ниссбаум, справедливое общество – это общество «равных возможностей», которое обеспечивает своим гражданам условия для полноценной жизни (в т. ч. материальное обеспечение и образование) при сохранении сферы индивидуального независимого выбора.

Другие коммунитаристы (М. Уольцер) также признают важную роль справедливости в жизни общества, полагая, что ее соблюдение способно сохранить социальную общность. Однако, по их мнению, эту роль могут выполнить только те нормы справедливости, которые соответствуют распространенным в обществе представлениям. Попытка применения неких «универсальных» принципов справедливости, требующая от людей игнорировать эмоции и произвольные реакции, антидемократична и не учитывает отношения, сложившиеся между ними. Как следствие, она может привести к распаду социальной общности. Последовательное применение этой идеи означает, что в разных сферах общественной жизни должны использоваться разные нормы справедливости. Перенос принципов из одной сферы в другую, например, из сферы экономических отношений в область правосудия или науки, является несправедливым.

И наконец, третьи коммунитаристы (М. Сандел) утверждают, что общинное начало устраняет необходимость справедливости, поскольку в общине на первый план выходят добродетели любви и благоволения. С их точки зрения, когда люди живут в условиях изобилия и любят друг друга, попытка следовать требованиям справедливости разрушает как одно, так и другое. В остальных случаях справедливость выступает в качестве компенсации и поэтому не играет заметной роли в жизни общества.

Несмотря на существующие различия, взгляды коммунитаристов имеют много общего. Представители этого направления подчеркивают групповую природу человека, делают акцент на необходимости групповой гармонии и важности сохранения общественной структуры. Идеи коммунитаристов созвучны современным тенденциям в развитии психологии.

Возникновение интереса к социальным группам в психологии

Долгие годы, объясняя поведение человека, психологи делали акцент на его индивидуальных особенностях. В частности, последователи психоанализа противопоставляли человека и общество; необихевиористы, не отрицая важности социального взаимодействия, сводили его роль к достижению личных целей; когнитивисты рассматривали когнитивную систему как индивидуальное образование. Лишь представители гуманистического направления признавали важную роль общественной жизни, полагая, что социальные связи могут помочь человеку в проявлении своей сущности, но могут и помешать ему.

Идея независимости от группы проникла даже в социальную психологию. Коммуникация рассматривалась как процесс обмена сообщениями между коммуникатором и реципиентом, выступающих от собственного имени и не включенных в социальную группу (например, Г. Ховланд, Р. Петти и Дж. Качоппо, Ш. Чейкен). Формирование представления о партнере изучалось как процесс, в основе которого лежат закономерности строения индивидуальной когнитивной системы (С. Аш, Ф. Хайдер, Э. Джонс и К. Дэвис, Дж. Келли и т. д.). Взаимодействие мыслилось как обмен, в котором принимают участие два человека, ведомые личными интересами. При изучении малых групп акцент делался на противостоянии личности и группы:

внимание привлекали социальная леность, конформизм, стили лидерства и руководства, позволяющие управлять подчиненными. Интерес к большим группам сохранился лишь в рамках этнопсихологии. А при изучении межгрупповых отношений лидирующие позиции занимали теории, объясняющие межгрупповой конфликт индивидуальными характеристиками участников (гипотеза «козла отпущения», теория авторитарной личности Т. Адорно) или стремлением к достижению личных целей за счет победы ингруппы (теория реального конфликта Д. Кемпбелла).

Однако в начале 1970-х годов произошли серьезные перемены: психологи стали придавать все большее значение социальной группе. Область социального познания обогатилась концепцией социальных представлений С. Московичи. При изучении взаимодействия во внимание стали приниматься социальные сети. В психологии малых групп стала активно разрабатываться проблема сплоченности, все большую популярность приобретало представление о взаимозависимости лидера и ведомых. Активизировались работы по психологии толпы. И наконец, при изучении межгрупповых конфликтов лидирующие позиции заняли теории, объясняющие их возникновение особенностями группы (теории социальной идентичности Г. Тешфела, самокатегоризации Дж. Тернера) и общества (теория социального доминирования).

Вероятно, эта тенденция стала ответом на экономическую глобализацию мира, его превращение в «сетевое общество» и одновременно на усиление коллективной активности граждан. Так, по мнению М. Кастельса, формирование глобальных сетей устранило индивидуализированное Я, скрыло различия между людьми. Реакцией на потерю уникальности стало формирование новых социальных идентичностей, связанных с членством в больших группах (Кастельс, 2000).

Проникнув в психологию, идея включенности человека в различные социальные сети и группы была реализована в теориях справедливости. Она воплотилась в теории ценности группы, созданной для объяснения справедливости процесса взаимодействия.

Теория ценности группы

Эта концепция была предложена И. Линд и Т. Тайлером (Lind, Tyler, 1988). Они полагали, что одной из важнейших человеческих потребностей является потребность в аффилиции, т. е. принадлежности к группе. Вступая во взаимодействие, люди стремятся сохранить сообщество и добиться высокого статуса. Ради этого они готовы жертвовать собственными интересами.

Для достижения этой цели они используют определенную процедуру принятия решений и тщательно следят за ее соблюдением. Справедливость взаимодействия является для каждого члена группы источником информации о своем социальном положении (Peterson, 1999), показателем симпатии и уважения со стороны одноклассников, высокого статуса в ней (Lind, Tyler, Нун, 1997; Shapiro, Brett, 1993; Tyler, Degoev, Smith, 1996). Ощущая социальную поддержку, люди испытывают гордость и не хотят покидать сообщество, что в конечном итоге сохраняет его целостность (Tyler, Degoev, Smith, 1996; Van den Bos, Vermunt, Wilke, 1996).

Именно поэтому участники взаимодействия, которые сильно идентифицируются со своей группой, считают ее важной частью своей жизни, судят о справедливости результата по справедливости процесса общения (Orpen, 1994).

Вынося решение о справедливости процесса, люди ориентируются на ценности группы: наиболее справедливой признается та процедура, которая соответствует основным групповым ценностям. Это означает, что члены разных сообществ по-разному воспринимают одно и то же взаимодействие, дают ему разную оценку. Это, прежде всего, касается тех людей, которые общаются с членами ингруппы и зависят от ее представителей (Hertel, Aarts, Zeelenberg, 2002).

Исключение составляют компоненты, соответствующие универсальным ценностям – гарантирующие возможность принять участие в групповой деятельности, повысить социальный статус, «сохранить лицо».

Благодаря признанию социальности человека, теория ценности группы долгое время конкурировала с теорией личного интереса. Этот антагонизм проявился, прежде всего, в том, как сторонники разных концепций объясняли важность одних и тех же норм процедурной справедливости, прежде всего, права голоса и однообразия. Например, по мнению психологов, работающих в рамках модели личного интереса, человек ценит право голоса, поскольку благодаря этому он получает возможность достичь своей цели¹². В то же время в соответствии с моделью групповых ценностей, соблюдение этой нормы дает людям возможность почувствовать свою значимость и позволяет сохранить целостность группы¹³ (McFarlin, Sweeney, 1996; Miller, 1989; Shapiro, Brett, 1993). Аналогично, однообразие процедуры можно рассматривать как способ достижения личных целей (модель личного интереса) и как реализацию одной из важных групповых ценностей (модель групповых ценностей) (Ployhart, Ryan, 1998).

Каким образом разрешается этот спор в настоящее время?

В соответствии с одной точкой зрения, следуя нормам справедливости процесса, разные люди стремятся к достижению разных целей. Одни хотят получить индивидуальное вознаграждение, а другие занять определенное положение в группе (Neuer et al., 2002).

В соответствии с другой позицией, дистрибутивная справедливость является, прежде всего, средством достижения личных целей, а процедурная и межличностная – средством включения в группу и повышения статуса. В частности, люди ценящие власть и достижение, придают большее значение дистрибутивной, а универсализм и доброту – процедурной справедливости (Lipponen, Olkkonen, Муугу, 2004). Возможно, именно поэтому в рамках социально-психологического подхода пока отсутствует теория, в которой желание сохранить группу рассматривается как причина соблюдения дистрибутивной справедливости.

¹² В частности, право голоса оказывает влияние на оценку справедливости процедуры преимущественно в том случае, когда оно касается важного и полезного решения (Cropanzano, Folger, 1989; van den Bos, Spruijt, 2002), реализуется перед его принятием (Lind, Kanfer, Earley, 1990) и помогает получить позитивный результат человеку, который не обладает свободой выбора (van Prooijen, 2009), но имеет сильную мотивацию достижения (van Prooijen, Karremans, van Beest, 2006) и ориентацию на социальное доминирование (De Cremer, Cornelis, Van Hiel, 2008). Кроме того, влияние контроля за процессом опосредовано восприятием контроля за результатом: право голоса увеличивает ощущение контроля за результатом, а он, в свою очередь, определяет общую оценку справедливости (McFarlin, Sweeney, 1996).

¹³ Так, по данным исследований роль этой нормы зависит не от позитивности и важности результата, возможности повлиять на него, а от включенности человека в группу (Musante, Gilbert, Thibaut, 1983; Tyler, 1987; Tyler, Rasinski, Spodick, 1985; van Prooijen, van den Bos, Wilke, 2004). Ее влияние сохраняется, даже если человек может высказать свое мнение после принятия решения (Lind, Kanfer, Earley, 1990; Lind, Earley, 1992).

Справедливость ради справедливости: теории морального развития

Третье представление о целях соблюдения справедливости берет свое начало в работах по социальной философии, созданных древнегреческими авторами. Они полагали, что справедливость – основной принцип мироздания, лежащий в основе идеальных государственных систем. Земное воплощение этого принципа становится возможным, благодаря как внешним по отношению к человеку, так и внутренним силам. Внешняя справедливость воплощается в законе и носит принудительный характер. Внутренняя справедливость проявляется в поступках граждан, которые они совершили добровольно и сознательно, т. е. понимая, почему, зачем и для кого они это делают. Таким образом, еще в философии древнего мира справедливость стала рассматриваться как добродетель человека.

Продолжая эту традицию, психологи включили ее в состав морального сознания. Сторонники этой позиции полагают, что справедливость и несправедливость можно рассматривать в терминах «добра» и «зла». Следуя ее требованиям, люди стремятся поступить «хорошо», «правильно». Таким образом они соблюдают справедливость ради нее самой.

Впервые эта идея была изложена в **теории морального развития Л. Колберга** (Анциферова, 1999; Николаева, 1995). Он полагал, что ядро морального сознания составляют однанадцать ценностей, важное место среди которых занимает доверие и справедливость в обмене (меновая справедливость), а также справедливость наказания (карательная справедливость). Их функция заключается в распределении прав и обязанностей, регулируемом нормами равенства и взаимности (беспристрастности). Нормы справедливости являются основой для разрешения моральных конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов разных людей. Уровень морального развития определяется стилем отношения к этим ценностям, в том числе к справедливости и, как следствие, к соблюдению ее норм (Гулевич, 2006в, 2009б).

Л. Колберг полагал, что основные ценности и моральные нормы вырабатываются в ходе общения. Поскольку все культуры имеют общие основы социального взаимодействия, процесс морального развития во всех обществах подчиняется общим закономерностям. Поясняя свою мысль, он выделил три уровня и шесть стадий этого процесса.

- Человек, находящийся на доконвенциональном уровне, при определении «моральности» поступка исходит из того, насколько он удовлетворяет его собственные потребности. Этот уровень включает в себя две стадии. Первая характеризуется ориентацией на наказание и послушание: основным двигателем поведения человека является страх перед наказанием. В то же время вторая стадия предполагает соблюдение баланса между наказанием и вознаграждением.

- Человек, находящийся на конвенциональном уровне морального развития, понимает необходимость выполнения ряда правил для сохранения целостности общества. На третьей стадии он руководствуется требованиями малой группы – семьи, друзей, коллег, а на четвертой – нормами общества, в котором он живет.

- Постконвенциональный уровень – самый высокий уровень морального развития. Человек, который находится на нем, руководствуется безличными моральными стандартами. На пятой стадии он понимает относительность и договорной характер моральных норм и придает большое значение соблюдению индивидуальных прав. Поэтому для него большое значение приобретает справедливость правил, в соответствии с которыми принимается то или иное решение. Человек на самой высокой – шестой стадии – самостоятельно выбирает нормативную систему и следует ей.

На первый взгляд, роль справедливости на первом уровне морального развития соответствует теориям беспристрастности и личного интереса, на втором – теории ценности группы. И только третий этап специфичен для данной теории. Однако тот факт, что речь идет о моральном развитии, накладывает отпечаток на все уровни: вне зависимости от того, почему люди выполняют нормы справедливости, они рассматривают их соблюдение как правильное и необходимое, а совершенный поступок как добро или зло.

Идея о связи справедливости с моральным сознанием получила дальнейшее развитие в теориях моральных схем Дж. Реста и защиты ценностей Л. Скитки. Несмотря на единый теоретический источник, выводы, сделанные авторами этих концепций, оказались совершенно разными.

Дело в том, что **теория моральных схем** создавалась в противовес модели Колберга. Понятие «моральной схемы» было введено **Дж. Рестом**, который понимал под ней совокупность представлений о том, ради чего необходимо соблюдать социальные нормы. Он выделил три таких схемы: схему личного интереса, которая соответствует второй и третьей стадиям по Колбергу; схему усвоения норм, соответствующую четвертой стадии; постконвенциональную схему, соответствующую пятой и шестой стадиям (Rest et al., 2000). Несмотря на некоторое сходство, по структуре схема сильно отличается от уровня.

Уровень морального развития рассматривается как совокупность когнитивных операций, содержание которых универсально, т. е. не зависит от культуры. Эти операции сменяют друг друга в заранее заданном порядке. Моральное развитие заключается в резкой смене стадии или уровня.

В то же время когнитивная схема – это совокупность представлений, имеющих культурную специфику. Моральное развитие может происходить в разных направлениях и заключается в постепенном изменении частоты использования разных схем. Это означает, что человек может использовать несколько моральных схем одновременно (Krebs, Denton, 2006).

В соответствии с логикой Реста, состояние морального развития определяется по трем параметрам: схеме, фазе и направлению. Так, у человека, как правило, есть ведущая схема, на основании которой он разрешает большинство моральных дилемм. При этом он может находиться в фазах консолидации, т. е. постоянно использовать одну и ту же схему, или перехода, т. е. использовать разные. В целом, моральное развитие может идти по пути выбора более или менее сложной схемы, т. е. вперед или назад (Derryberry, Thoma, 2005).

Изменение представления о моральном развитии не могло не отразиться на понимании справедливости. В отличие от Колберга, который считал ее ключевым элементом морального сознания, Рест и его последователи лишь констатировали ее связь с моральными схемами. Они показали, что люди, использующие схему личного интереса, при оценке взаимодействия придают большое значение дистрибутивной справедливости, а схему усвоения норм и постконвенциональную схему – процедурной. Это, в первую очередь, касается норм, связанных с соблюдением прав всех участников – нейтрализации предубеждений, единообразия процедуры, уважения к партнеру (Myuru, Helkama, 2002; Wendorf, Alexander, Firestone, 2002).

Другой вариант связи между оценкой справедливости и моральным сознанием был предложен в теории защиты ценностей Л. Скитки. Однако в ее основе лежит идея когнитивного баланса. Поэтому мы рассмотрим ее в следующем параграфе.

Справедливость как средство сохранения когнитивного баланса

Последний подход к пониманию того, почему люди стремятся к соблюдению справедливости, не имеет определенного философского источника. Он берет начало в теориях когнитивного соответствия, речь о которых шла в предыдущей главе.

В соответствии с этими теориями любой человек обладает когнитивной системой и стремится к удовлетворению так называемых когнитивных потребностей – потребностей в понимании, предсказуемости и контроле. Ощущение того, что мир понятен, предсказуем и поэтому находится под его контролем, позволяет человеку сохранить психологическое благополучие – уменьшить негативные эмоции и обрести уверенность в себе. Чтобы добиться такого результата, человек ведет себя или интерпретирует информацию о взаимодействии таким образом, чтобы его можно было считать справедливым.

Первой психологической теорией справедливости, в которой подчеркивалась важность когнитивных потребностей, была концепция справедливого мира М. Лернера (глава 1). В ней делался акцент на общую оценку справедливости, формирующей ожидания от конкретного взаимодействия. Однако в ней игнорировалась важность соблюдения отдельных норм. Этот пробел был восполнен в двух других концепциях – теории защиты ценностей и реинтерпретации теории самокатегоризации применительно к справедливости.

Теория защиты ценностей

Автором концепции защиты ценностей является Л. Скитка (Bauman, Skitka, 2009; Mullen, Skitka, 2006; Napier, Tyler, 2008; Rupp, Bell, 2010; Skitka, 2002, 2003; Skitka, Mullen, 2002). Ее сторонники полагают, что каждый человек обладает определенными ценностями, которые воплощаются в ряде аттитюдов. Например, ценность сохранения жизни тесно связана с социальными установками, направленными против войны, аборт, смертной казни и любых других форм «узаконенного убийства». Теоретически каждой ценности соответствуют сразу несколько аттитюдов, однако человек уделяет большее внимание одним, игнорируя другие. Например, являясь пацифистом, он может не задумываться о запрете абортов. Такие важные аттитюды получили название «моральных требований».

Соблюдение ценностей и соответствующих им аттитюдов, прежде всего, моральных требований, оказывает влияние на оценку справедливости взаимодействия, которая происходит в два этапа.

- Первый этап начинается незадолго до или в самом начале общения и заканчивается перед получением окончательного результата. В ходе него люди выносят первые суждения о справедливости взаимодействия, ориентируясь на процедуру или свои ожидания.
- Второй этап начинается после окончания общения, когда его результат уже известен. Если он соответствует моральным требованиям, взаимодействие считается справедливым, а в противоположном случае – нет.

Например, если человек выступает против смертной казни, оценивая справедливость судебного процесса над убийцей, он будет отталкиваться от своего отношения к правовой системе в целом и событий, происходящих в зале суда. Однако после вынесения приговора его оценка может кардинально измениться: если подсудимый был приговорен к смертной казни, человек даст низкую оценку справедливости судебного процесса, вне зависимости от того, как

именно он проходил. В то же время, если казнь будет заменена пожизненным заключением, он даст высокую оценку справедливости, даже если судебный процесс шел с нарушением норм.

Это означает, что, получая результат, соответствующий моральным требованиям, люди оправдывают применение несправедливой процедуры. Чем сильнее моральное требование, тем меньше внимания человек уделяет справедливости процедуры и тем больше – соответствию результата важным для него ценностям; тем менее справедливым он считает взаимодействие, результат которого противоречит им.

Оценка справедливости взаимодействия оказывает влияние на самовосприятие человека. Это происходит, поскольку, вступая в общение, он стремится сохранить позитивное и непротиворечивое представление о себе. Соблюдение ценностей и соответствующих им моральных требований является важным аспектом личной идентичности, поэтому, нарушая их, человек разрушает это представление.

Желая сохранить его, люди защищают свои убеждения, даже когда им приходится преодолевать серьезное сопротивление окружающих, подвергать риску свое материальное и социальное положение. Поскольку в данном случае речь идет о личной идентичности, выраженность этой тенденции не зависит от внешнего давления или интересов участников.

Если своими действиями человек все-таки нарушил моральные требования, у него возникает когнитивный диссонанс, вызывающий отрицательные эмоции. Пытаясь восстановить равновесие, человек использует стратегии «очернения» и «очищения». Сначала он обвиняет себя, испытывает чувство вины («очернение»), после чего переоценивает ситуацию и ведет себя таким образом, чтобы продемонстрировать свою позитивность («очищение»). Чем сильнее моральное требование, тем интенсивнее он использует эти стратегии.

Кроме представления о себе, оценка справедливости взаимодействия определяет отношение человека к другим людям. Так, нарушение моральных требований, произошедшее по вине окружающих, порождает гнев, протест против действий виновника и стремление наказать его, даже если для этого придется пожертвовать собственными интересами. Эта тенденция проявляется как у жертв, так и у сторонних наблюдателей.

Однако подобное стремление порождает серьезное противоречие. С одной стороны, человек желает наказать виновника, с другой, не хочет нарушать одно из самых сильных моральных требований, связанных с нанесением вреда. Это противоречие люди разрешают достаточно оригинальным образом: принимая решение о наказании виновника, они руководствуются соображениями воздаяния по заслугам, а об отмене наказания – нанесением вреда.

Таким образом, теория защиты ценностей объединяет в себе идеи концепций морального развития и когнитивного соответствия. С одной стороны, ее сторонники признают, что оценка справедливости взаимодействия зависит от степени, в которой оно соответствовало моральным требованиям. С другой стороны, они полагают, что человек следует им не ради их соблюдения, а ради сохранения психологического благополучия.

Реинтерпретация теории самокатегоризации

Другим вариантом реализации идеи когнитивного соответствия стала теория самокатегоризации, сформулированная применительно к справедливости.

Основы теории самокатегоризации были сформулированы во второй половине 1980-х годов Дж. Тернером (Гулевич, 2006а). Он полагал, что, встречаясь с другими людьми, человек осуществляет социальную категоризацию – причисляет их к тем или иным социальным группам-категориям. Одновременно с этим он помещает в одну из групп самого себя. Этот процесс называется самокатегоризацией.

Социальные категории имеют сложную структуру: они включают в себя общие признаки, примеры ее отдельных представителей и прототипы – представления о наиболее характерном

члене группы. Прототип состоит из черт, отличающих одну группу от другой. Благодаря ему, представители одной группы рассматриваются как похожие друг на друга, а члены разных – нет. К социальной категории могут быть отнесены те люди, которые соответствуют основным признакам, отдельным примерам или групповому прототипу.

Категории различаются по объему. Объем зависит от количества людей, которые потенциально могут быть включены в нее. Например, категория «представители Евросоюза» шире категории «жители Германии». В зависимости от индивидуальных характеристик и ситуации общения человек причисляет себя то к узкой, то к широкой категории, например, считает себя жителем Москвы или Европейской части России.

Какую функцию выполняют категоризация окружающих и самокатегоризация? Основоположники теории полагали, что эти процессы позволяют человеку структурировать свое представление о мире и Я-концепцию, сделать их более определенными, т. е. удовлетворить базовые когнитивные потребности. Это, в свою очередь, позволяет людям сохранить психологическое благополучие.

Применив эти идеи при изучении справедливости, М. Вензел предположил, что оценка распределения ресурсов определяется самокатегоризацией человека (Wenzel, 2000, 2001, 2004). Это означает, что суждения о справедливости зависят от психологической структуры ситуации, т. е. от актуализации тех или иных социальных категорий. Выбор категории определяется тем, позволяет ли она разделить людей на несколько групп, соответствует ли ее содержание особенностям участников, легко ли она вспоминается, позволяет ли она повысить самооценку субъекта категоризации и т. д.

Социальная категоризация оказывает разноплановое влияние на выбор норм дистрибутивной справедливости.

- Люди используют одни и те же нормы по отношению к членам одной группы, но разные для представителей различных групп. Так, они отдают предпочтение норме равенства по отношению к «своим» и беспристрастности – к «чужим». Как следствие, они по-разному оценивают справедливость в зависимости от того, к широкой или к узкой категории причисляют себя. Например, западные немцы, рассматривающие себя как немцев вообще, т. е. использующие широкую категорию, считают справедливым, чтобы экономическое положение восточных немцев соответствовало их собственному, а в противном случае выражают протест. Однако те люди, которые категоризируют себя как западных немцев, т. е. используют узкую категорию, считают справедливым материальную дифференциацию в зависимости от места проживания.

- Самокатегоризация оказывает влияние на выбор претендентов на ресурсы. Как правило, люди считают справедливым выделить большее вознаграждение той группе, прототип которой включает в себя больше социально желательных черт, и серьезнее наказать – социально нежелательных. Например, западные немцы, воспринимающие себя как прототипичных представителей Евросоюза, считают отказ принять Турцию в ряды этого объединения более справедливым, чем менее прототипичные. Поскольку в большинстве случаев люди имеют более позитивное представление о своей группе, они выступают за ее вознаграждение, даже если это наносит ущерб окружающим.

- Самокатегоризация оказывает влияние на выбор способа восстановления справедливости. При общении с представителями «своей» группы люди, ставшие жертвой несправедливости, чаще выступают за компенсацию нанесенного ущерба, а не за наказание виновника, чем при взаимодействии с членами «чужой» (Wenzel et al., 2010).

Таким образом, теория самокатегоризации объясняет, каким образом люди делают выбор в пользу дифференцирующих и недифференцирующих норм дистрибутивной справедливости.

Этот выбор позволяет им сделать мир более понятным и предсказуемым, обрести над ним контроль и тем самым сохранить психологическое благополучие.

Подводя итог, стоит отметить, что, несмотря на разнообразие целей соблюдения справедливости, предложенных сторонниками социально-психологического подхода к ее изучению, в основе всех теорий лежит одно и то же базовое предположение. Оно гласит, что, следя за справедливостью общения, все люди преследуют одну и ту же цель. Эта цель определяет важность либо дистрибутивного (концепции беспристрастности, морального развития, защиты ценностей, самокатегоризации), либо информационного, процедурного и межличностного (концепции личного интереса и ценности группы) компонентов справедливости. Лишь немногие специалисты признают, что разные участники взаимодействия могут преследовать разные цели. Однако даже в этих концепциях не проводится специального различия между отдельными нормами дистрибутивной и процессуальной справедливости.

Глава 3. Регулятивная функция справедливости

Общая оценка справедливости является одним из основных регуляторов социального взаимодействия. Стремясь достичь поставленной цели, человек не только сам соблюдает соответствующие нормы, но и следит за тем, как ведут себя другие люди. Их действия и заранее сформированные ожидания оказывают влияние на общую оценку общения, которая, в свою очередь, вызывает у него различные когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции.

Соблюдение справедливости создает у человека общий позитивный настрой, благодаря которому он высоко оценивает себя и окружающих, испытывает по отношению к ним положительные эмоции и активно включается в общую деятельность. В то же время несправедливость порождает противоположные реакции и вызывает желание восстановить ее (рисунок 8).

Регулятивная функция справедливости ярче всего проявляется у заинтересованных лиц, принимающих непосредственное участие во взаимодействии. Однако она оказывает влияние и на оценки наблюдателя, если он идентифицируется с кем-нибудь из участников, обладает опытом подобного общения или ожидает, что также может стать жертвой справедливого или несправедливого обращения.

Идея о регулятивной функции, которую выполняет оценка справедливости, впервые появилась в работах Дж. Адамса, Г. Левентала, И. Уолстер, посвященных теории беспристрастности. Фактически она оправдывала создание психологических концепций справедливости, задавала пути их практического приложения. За время, прошедшее с создания этой теории, регулятивная функция получила значительное эмпирическое подтверждение. Сегодня психологи обсуждают не столько ее наличие, сколько конкретные направления и условия ее реализации.

Рис. 8. Регулятивная функция справедливости

В целом, процесс воздействия оценки справедливости взаимодействия укладывается в рамки схемы «когниции – эмоции – намерения – поведение». Это означает, что справедливость общения оказывает влияние на оценки человека, эти оценки – на эмоции, эмоции – на намерения и поступки. Другими словами, его можно свести к традиционной последовательности «аттитюды¹⁴– поведение»: оценка справедливости взаимодействия выступает в качестве информации, актуализирующей те или иные аттитюды о его участниках; они оказывают влияние на намерения, а намерения – на реальное поведение (рисунок 8).

Интересно, что при изучении регулятивной функции психологи почти всегда игнорируют основные свойства аттитюдов (например, их возможную амбивалентность и неосознанность), механизмы социального познания (например, атрибуцию и эмпатию), а также модели намеренного поведения. Исследования, как правило, сводятся к изучению содержания социальных установок и соответствующих им поступков. Каковы направления воздействия оценки справедливости?

¹⁴ В данном случае аттитюды рассматриваются как психологическое образование, состоящее из когнитивного и аффективного компонента и оказывающего влияние на намерения и поведение.

Справедливость и оценка участников взаимодействия

Влияние справедливости на восприятие партнера

Оценка справедливости общения оказывает влияние на аттитюды к его участникам – их оценку и уважение, удовлетворенность сложившимися отношениями (рисунок 9).

Это влияние проявляется в самых разных сферах: от личных контактов до политических процессов.

Рис. 9. Влияние оценки справедливости на аттитюды к участникам

Оценка и уважение связаны, прежде всего, со справедливостью процесса, т. е. с процедурным и межличностным компонентами. В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что восприятие справедливости оказывает влияние на отношение к высокостатусным участникам общения – руководителям, учителям, сотрудникам правовых институтов и политикам, т. е. людям, которые принимают решения в отношении окружающих.

- Чем выше сотрудники оценивают справедливость организационного взаимодействия, тем больше они уважают руководителя и доверяют ему, тем большую привязанность к нему испытывают (Ambrose, Schminke, 2003; Choi, 2008; Konovsky, Cropanzano, 1991; Lind, Tyler, 1988; Meierhans, Rietmann, Jonas, 2008; Murphy et al., 2003; Peterson, 1999; Tyler, Rasinski, Spodick, 1985).

- Чем выше школьники оценивают справедливость взаимодействия, тем более высокую оценку они дают своим учителям (Lizzio, Wilson, Hadaway, 2007) и легитимности их действий (Gouveia-Pereira et al., 2003). Это, в свою очередь, увеличивает оценку легитимности правовых институтов (полиции, суда) (Gouveia-Pereira et al., 2003). Таким образом, школьники воспринимают учителей как представителей государственной власти.

- Чем более высокую оценку граждане дают справедливости сотрудников правоохранительных органов, суда и судьи, тем более позитивно оценивают их (Lind, Tyler, 1988; Tyler, 1984, 1987) и их решения (LaTour, 1978; Lind et al., 1980; Lind, Tyler, 1988; Machura, 2003; Walker et al., 1974; Walker, Lind, Thibaut, 1979), тем более высокую оценку они дают правовой системе (Tyler, 1989), тем более легитимной ее считают (Lind, Tyler, 1988; Tyler, 1987, 2006).

- Чем выше граждане оценивают справедливость действий политиков, тем более позитивно относятся к ним (Lind, Tyler, 1988), политическим решениям и легитимности политической системы (Besley, McComas, 2005).

Ограничения подобных исследований связаны, прежде всего, с тем, что в них игнорируется роль справедливости в отношении к равно- и низкостатусным участникам общения. Исключение составляет ее воздействие на уважение и симпатию к коллегам (Flynn, Brockner, 2003; Murphy et al., 2003) – единственное свидетельство переноса позитивного или негативного отношения с организаторов взаимодействия на его участников.

Оценка и уважение тесно связаны с другим параметром – *удовлетворенностью отношениями*. Справедливость взаимодействия дает людям ощущение комфорта и безопасности, повышает удовлетворенность от общения с партнером. Это влияние проявляется в самых разных отношениях – от семейных до правовых. Однако, в отличие от оценки и уважения, в данном случае большая роль отводится дистрибутивной справедливости.

- Например, чем выше супруги оценивают справедливость распределения домашних обязанностей, тем больше они удовлетворены существующим положением дел (Mikula et al., 1997). Поскольку в личных отношениях приветствуется равенство, те партнеры, которые считают свои отношения равными, больше любят «вторую половину», больше удовлетворены отношениями, выше оценивают свою сексуальную жизнь (Hatfield, Rapson, Aumer-Ryan, 2008).

- Чем выше сотрудники организации оценивают справедливость взаимодействия, тем сильнее они удовлетворены отношениями с руководителем (Phillips, 2002; Phillips, Douthitt, Hyland, 2001) и своей работой (Темницкий, 2005; Темницкий, Максимова, 2008; Irving, Coleman, Bobocel, 2005; Konovsky, Cropanzano, 1991; Lambert, 2003; Lind, Tyler, 1988; Loi, Yang, Diefendorff, 2009; Miller, 1989; Ohbuchi, Suzuki, Hayashi, 2001; Peterson, 1999; Roberson, Moye, Locke, 1999; Schmitt, Dorfel, 1999; Witt, Broach, 1993). Причем эта связь наиболее ярко проявляется на успешных предприятиях (Темницкий, 2005).

- Чем выше граждане оценивают справедливость действий сотрудников правоохранительных органов и судей, тем больше они удовлетворены своим взаимодействием в рамках правовой системы (Lind, Tyler, 1988; Tyler, Folger, 1980).

Зачастую справедливость общения в одной сфере оказывает влияние на отношение к процессам, происходящим в другой. Так, пациенты психиатрических клиник, помещенные на принудительное лечение по решению суда, более позитивно относятся к правилам госпиталя, решениям персонала и принятию лекарств, если это решение было вынесено в ходе справедливой процедуры (Cascardi, Poythress, Hall, 2000).

Однако оценка справедливости взаимодействия утрачивает свое значение, если участники считают ее соблюдение средством маскировки невыгодного для них решения. Например, возможность высказать свое мнение не оказывает влияния на аттитюды к сотрудникам организации, если они не верят, что к их мнению действительно прислушиваются (Lind, Tyler, 1988).

Отношение к партнеру по общению – лишь один из объектов воздействия общей оценки справедливости. Другим объектом является Я-концепция человека.

Влияние справедливости на Я-концепцию

Под Я-концепцией в данном случае понимается представление человека о себе, включающее два основных компонента «образ Я» и самооценку (Белинская, Тихомандрицкая, 2001). Почему справедливость взаимодействия оказывает влияние на Я-концепцию его участников? На этот вопрос существует два основных ответа.

Первый объясняет изменения в Я-концепции жертвы справедливых или несправедливых действий. С точки зрения интеракционистов, в основе представления человека о себе лежит реакция окружающих. Он следит за тем, как другие люди воспринимают его действия и, руководствуясь этой информацией, приписывает себе те или иные характеристики, дает высокую или низкую оценку. Справедливость взаимодействия говорит человеку об отношении со стороны окружающих и, как следствие, определяет содержание Я-концепции. В эту логику укладываются идеи, высказанные сторонниками теории ценности группы.

Эту точку зрения подтверждают результаты эмпирических исследований. Они демонстрируют, что человек, ставший жертвой несправедливости, обладает более низкой самооценкой (De Cremer, 2003; De Cremer, Blader, 2006; De Cremer et al., 2005; Tyler, Degoe, Smith, 1996) и самоэффективностью (Gilliland, 1994; Phillips, 2002), чем тот, с кем обращались справедливо. Вероятно, это происходит по той причине, что люди воспринимают несправедливое отношение к себе как показатель собственной неполноценности, непопулярности или неумения отстаивать свои интересы.

Второй ответ дают сторонники теории справедливого мира и защиты ценностей. Они объясняют изменения самооценки виновника справедливых и особенно несправедливых действий. По их мнению, нарушение норм справедливости является социально-нежелательным, вызывает порицание со стороны окружающих и понижает самооценку виновника.

Стремясь восстановить когнитивный баланс и сохранить психологическое благополучие, люди актуализируют иной аспект образа Я или изменяют самооценку. В первом случае человек, нарушивший своим поведением нормы справедливости, характерные для одного аспекта идентичности, отвергает его и выбирает другой (Skitka, 2003). Во втором случае он завышает самооценку по параметру справедливости, подчеркивая таким образом случайность произошедшего (Гулевич, 2007).

Изменения в оценке людей и Я-концепции, возникающие вследствие справедливого или несправедливого обращения, сказывается на их эмоциональном состоянии, т. е. оказывает влияние на аффективный компонент аттитюдов к себе и другим участникам взаимодействия.

От оценки к эмоциям: роль справедливости взаимодействия

Впервые идея о влиянии когний на эмоции возникла в недрах общей психологии: ее сторонники полагали, что эмоциональное состояние порождается оценкой вероятного или полученного человеком результата (Бреслав, 2004). Согласно этой точке зрения, ожидание позитивного результата и его наличие вызывает положительные эмоции, в первую очередь, радость и гордость. В то же время отрицательный результат связан с негативными эмоциями: его ожидание вызывает страх; понимание того, что ущерб уже нанесен – грусть, сожаление и разочарование; восприятие нарушения социальных норм – гнев и чувство вины.

Эта идея получила развитие в теориях справедливости. Ее сторонники полагают, что справедливое взаимодействие вызывает радость, гордость и симпатию к участникам, а несправедливое – нарушение социальных норм – страх, гнев и чувство вины (De Cremer, Ruiters, 2003).

Стоит отметить, что психологи проявляют преимущественный интерес к негативным эмоциям в ущерб позитивным. По их мнению, нарушение социальных норм вызывает больший эмоциональный отклик, чем их соблюдение. Эта точка зрения получила серьезное эмпирическое подтверждение. Так, описательные исследования показали, что среди ассоциаций на слово «несправедливость» эмоциональные состояния встречаются гораздо чаще, чем при описании справедливости (Голынчик, 2004). Кроме того, экспериментальные исследования продемонстрировали, что оценка справедливости взаимодействия оказывает большее влияние на отрицательные эмоции по сравнению с положительными (De Cremer, Den Ouden, 2009; Weiss, Suckow, Cropanzano, 1999). В частности, радость зависит в основном от позитивности результата, а вина и гнев – как от результата, так и от справедливости процедуры (Weiss, Suckow, Cropanzano, 1999). Исключение составляет гордость, выраженность которой также определяется процессом взаимодействия.

Такая асимметрия является частным случаем более общей закономерности, заключающейся в том, что негативная информация привлекает большее внимание, оказывает более серьезное влияние на последующие суждения и вызывает более сильные эмоции, чем позитивная. Это касается не только нарушения социальных норм, но и наличия у человека каких-либо социально-нежелательных характеристик, связанных с отношением к другим людям. Как правило, это объясняется тем, что «нарушитель» представляет опасность для окружающих, благополучие которых зависит от скорости и адекватности реакции на его действия.

Несправедливость взаимодействия порождает как относительно простые эмоции, так и сложные эмоциональные синдромы. Это влияние особенно ярко проявляется, когда, по мнению участников, «еще бы чуть-чуть» и их судьба могла сложиться иначе (Van den Bos, Van Prooijen, 2001).

Среди отдельных негативных эмоций важное место занимают гнев, страх и чувство вины (рисунок 10).

Под *гневом* понимается эмоциональная реакция, возникающая при столкновении человека с препятствием в достижении цели. По мнению некоторых психологов, гнев вызывается любой аверсивной стимуляцией. Однако наибольшую роль в его возникновении играют действия других людей – ненависть и осуждение, обман и предательство с их стороны, а также глупые и необдуманные поступки (Изард, 2000).

Рис. 10. Негативные эмоции от несправедливости

Гнев – одна из самых распространенных эмоций, возникающих в отношениях разного типа – от личных до общественно-политических (Гулевич, 2007 г; Blaauw, Winkel, Vermunt, 2000; Chiu, 1991в; Rupp, Spencer, 2006; Tyler, 1989). Например, его испытывает претендент на работу, которому предпочли менее компетентного человека; покупатель, дающий низкую оценку действиям продавца; заключенный или подсудимый, считающий, что с ним обращаются несправедливо, и т. д. Гнев порождает враждебность к людям (Judge, Scott, Hies, 2006).

В зависимости от роли, которую злящийся человек играет во взаимодействии, выделяют личный и эмпатический гнев. Личный гнев испытывает тот, кто стал жертвой несправедливых действий. Как правило, он пытается нанести ущерб виновнику и достичь своей цели. В то же время эмпатический гнев возникает у человека, который наблюдает за причинением ущерба кому-либо другому: он стремится не только наказать виновника, но и помочь его жертве (Batson et al., 2007). Однако в целом жертва испытывает более негативные эмоции, чем наблюдатель. Это означает, что личный гнев сильнее эмпатического.

Вторая негативная эмоция, которая возникает вследствие несправедливости – это *страх* (*тревога*). Ее испытывает как жертва, так и виновник: первая боится ухудшения своего положения, а второй – наказания.

И наконец, третья эмоция, возникающая у участников несправедливого взаимодействия – это *чувство вины*, под которым понимается неприятное чувство недовольства собой, вызванное рассогласованием между своим поведением и социальными нормами. Чувство вины

порождается не только несправедливыми действиями, но и сопротивлением, оказанным их жертвой (Fazio, Hilden, 2001; Son Hing, Li, Zanna, 2002). Как правило, его испытывают свидетели или виновники.

Кроме простых эмоций несправедливость порождает синдромы, включающие эмоциональную составляющую. К ним, прежде всего, относятся последствия стресса. Под стрессом в данном случае понимается определенная связь между человеком и средой, которую он воспринимает как обременяющую или превышающую его ресурсы и подвергающую опасности его будущее (Брайт, Джонс, 2003). В качестве таких последствий рассматривают профессиональное выгорание и психологическое напряжение.

Психологическое напряжение включает в себя физиологические нарушения, уменьшение мотивации и уровня активности, а также отдельные негативные эмоции, прежде всего страх и гнев. В то же время под *профессиональным выгоранием* понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность (чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное работой), деперсонализацию (циничное отношение к труду и его объектам, к клиентам) и уменьшение профессиональных достижений (чувство некомпетентности, профессиональной неуспешности) (Орел, 2001).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.